

ИСТОРИЯ

Г. Л. Соболев

ЛЕНИНГРАД В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ В БЛОКАДЕ

КНИГА ВТОРАЯ
ИЮНЬ 1942 — ЯНВАРЬ 1943

Геннадий Соболев

**Ленинград в борьбе за выживание
в блокаде. Книга вторая:
июнь 1942 – январь 1943**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2015

ББК 63.3(0)62+63.3(2)622.72

Соболев Г. Л.

Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943 / Г. Л. Соболев — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2015

ISBN 978-5-288-05494-5

Настоящая работа продолжает вышедшую два года назад книгу, в которой многоаспектная проблема борьбы Ленинграда за выживание рассматривалась с июня 1941 г. по май 1942 г. Во второй книге, основываясь на изучении архивных и опубликованных документов, на достижениях отечественных и зарубежных исследователей, автор стремится ответить на следующие вопросы: почему неоднократные попытки деблокировать осажденный с 8 сентября 1941 г. город увенчались успехом только в январе 1943 г.; каков был реальный вклад ленинградцев в дело обороны своего города; какими были взаимоотношения между властью и населением в рассматриваемый период; каковы реальные потери мирного населения от голода и воинов Красной Армии в оборонительных и наступательных операциях по деблокаде Ленинграда. В книге показана повседневная блокадная жизнь глазами самих ленинградцев, рассмотрены основные факторы выживания в блокаде. Продолжая принятый в первой книге принцип синхронизированного изложения событий в блокадном кольце и за его пределами, автор месяц за месяцем прослеживает борьбу города-фронта за свое выживание. Помещенные в конце каждой главы документы, извлечения из воспоминаний и дневников, опубликованных в последние годы, имеют самостоятельное смысловое значение, показывают, что авторская оценка тех или иных событий основана на прочном документальном фундаменте.

ББК 63.3(0)62+63.3(2)622.72

ISBN 978-5-288-05494-5

© Соболев Г. Л., 2015

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2015

Содержание

Введение	7
Глава первая	18
Документы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Геннадий Соболев
Ленинград в борьбе за выживание
в блокаде. Книга вторая:
июнь 1942 – январь 1943

Рецензенты:

д-р ист. наук *Н.Д.Козлов* (ЛГУ им. А.С.Пушкина),

д-р ист. наук *М. В.Ходяков* (С.-Петерб. гос. ун-т)

Печатается по постановлению Ученого совета Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Введение

*Мы не кичимся буднями своими.
Наш путь угрюм и ноша нелегка,
но знаем, что завоевали имя,
которое останется в веках.*

Ольга Берггольц, май 1942 г.

Настоящая работа является второй частью книги, вышедшей два года назад¹. Учитывая, что за прошедшее время появились новые публикации документов², я посчитал необходимым вернуться здесь к наиболее важным событиям, о которых речь шла в первой книге. Это тем более важно сделать, что в работах некоторых современных авторов предпринимаются попытки, с моей точки зрения неубедительные, «скорректировать» планы и намерения гитлеровского командования относительно судьбы Ленинграда. Военный дипломат и переводчик Ю.М. Лебедев, у которого в ходе изучения оригинала «Военного дневника» начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии Франца Гальдера возникли сомнения в корректности его перевода на русский язык, пришел к принципиально важному, но далеко не очевидному выводу о том, что генерал Гальдер в своем дневнике «на самом деле... имел в виду не захват Ленинграда, а принуждение его к капитуляции. В этом заключался смысл решения вопроса. Задача стояла в том, чтобы блокировать многомиллионный город, подвергнуть его лишениям и заставить в конечном итоге добровольно сдаться»³. Именно Гальдер, считает Ю.М. Лебедев, убедил Гитлера отказаться от штурма Ленинграда, и ленинградское направление по воле Гитлера превратилось во «второстепенный театр военных действий»⁴.

В самом деле, еще 26 июля 1941 г. командующий группой армий «Север», основываясь на информации своего начальника штаба генерала Бреннеке, присутствовавшего накануне на совещании в Генеральном штабе сухопутных войск Германии, сделал в личном блокноте следующую запись: «Ленинград не следует брать, его необходимо лишь окружить»⁵. Эту запись фон Лееба некоторые историки и публицисты сегодня готовы даже выдать за свое сенсационное открытие, утверждая при этом, что все последующие решения Гитлера, поддавшегося влиянию генерала Гальдера, подтверждали его решение «не брать» Ленинград. Так ли это? Давайте внимательно прочитаем приказ группе армий «Север» № 1 от 28 августа 1941 г. Вот что в нем говорилось: «1. Блокировать город Ленинград кольцом как можно ближе к самому городу, чтобы сэкономить наши силы. Требований о капитуляции не выдвигать. 2. Для того, чтобы город как последний центр красного сопротивления на Балтике, был как можно скорее уничтожен без больших жертв с нашей стороны, запрещается штурмовать город силами пехоты. После поражения ПВО и истребительной авиации противника его оборонительные и

---

¹ Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: 22 июня 1941 – май 1942. СПб., 2013.

² Ленинград в осаде. Архивные документы Второй мировой войны. К 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Интернет-проект Архивного комитета Санкт-Петербурга / отв. сост. и науч. ред. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2014 (URL: Портал «Архивы Санкт-Петербурга» // [http:// blocade. Spbarchives. ru](http://blocade.spbarchives.ru) (дата обращения: 21.02.2015)); От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. Сб. документов / отв. ред. Н.Б. Лебедева; отв. сост. Н.Ю. Черепенина. СПб., 2013; Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда / отв. сост. И. А. Муравьева. СПб., 2014; Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М., 2014; и др.

³ Лебедев Ю. Ленинградский «блицкриг». На основе военных дневников высших офицеров вермахта: генерал-фельдмаршала Вильгельма Риттера фон Лееба и генерал-полковника Франца Гальдера. 1941–1942. М., 2011. С. 13.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 112.

жизненные способности следует сломить путем разрушения водопроводных станций, складов, источников электропитания и силовых установок. Военные сооружения и способность противника к обороне нужно подавить пожарами и артиллерийским огнем. Каждую попытку населения выйти наружу через войска окружения следует предотвращать, при необходимости – с применением оружия...».

Как видно из текста этого приказа Гитлера, в нем речь шла не о «добровольной капитуляции» Ленинграда, а о его уничтожении в результате обстрелов и бомбардировок. И даже командующий группой армий «Север» фон Лееб, который, по мнению Ю. Лебедева, рассчитывал «на добровольную капитуляцию города»⁶, 5 сентября 1941 г. выразил мнение, что «если Ленинград, подгоняемый голодом, будет вынужден сдаться, то его следует лишить тогда по крайней мере возможности повторного сопротивления»⁷.

Это правда, что Гитлеру и его генералам пришлось не раз менять свои планы и способы овладения Ленинградом, в первую очередь из-за ожесточенного сопротивления его защитников, хотя человеконенавистническая сущность их планов в отношении судьбы населения осажденного города оставалась неизменной. И все же главную роль здесь играл не Гальдер, а Гитлер, придававший захвату Ленинграда первостепенное значение в силу его политической, экономической и стратегической роли в начавшейся войне. «Неудивительно, – пишет в связи с этим современный немецкий историк Йоханнес Хюртер, – что Ленинград играл особую роль в захватнических планах Гитлера, порой даже большую, чем Москва, которая оставалась главной целью наступления для Генерального штаба вермахта»⁸.

Разумеется, политическое и военное руководство СССР понимало важность сражения за Ленинград, и Председатель Государственного Комитета Обороны И. В. Сталин в разговоре с посетившим Москву в конце июля 1941 г. личным представителем президента США Ф. Рузвельта Г. Гопкинсом назвал Ленинград в числе важнейших стратегических пунктов, которые должны быть удержаны во что бы то ни стало. Выражая озабоченность судьбой Ленинграда и свое негодование по поводу «самодеятельности» ленинградского руководства, создавшего 21 августа 1941 г. без санкции Ставки ВГК Военный Совет обороны Ленинграда, И. В. Сталин в разговоре по прямому проводу в ночь на

22 августа 1941 г. говорил: «Ленинград не Череповец или Вологда, это вторая столица нашей страны. Военный Совет обороны Ленинграда не вспомогательный орган, а руководящий орган обороны Ленинграда»⁹. О резком недовольстве Сталина ленинградским руководством свидетельствовало и его решение направить в Ленинград в конце августа 1941 г. облеченную чрезвычайными полномочиями Комиссию во главе с заместителем Председателя ГКО В. М. Молотовым. Из опубликованных теперь документов можно сделать вывод, что высокая комиссия, выражая свое неудовлетворение организацией обороны Ленинграда, со своей стороны, не смогла правильно оценить создавшееся уже в дни ее пребывания в Ленинграде (26–29 августа 1941 г.) критическое положение, о чем свидетельствовали направленные ею в Москву нерезультативные предложения относительно пополнения продовольственных запасов и эвакуации несамостоятельного населения. Конечно, главная вина здесь ложилась на ленинградских руководителей, не сразу осознавших, какая катастрофическая опасность таится в небеспеченности города продовольствием на длительное время, и не использовавших в первые месяцы войны все возможности для их пополнения.

---

⁶ Там же. С. 234.

⁷ Там же. С. 235.

⁸ Хюртер Й. Вермахт под Ленинградом // Битва за Ленинград. Дискуссионные проблемы. СПб., 2009. С. 125.

⁹ Болдовский К. А., Соболев Г. Л., Ходяков М. В. «Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия»: из переговоров по прямому проводу между Москвой и Ленинградом в 1941–1942 гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 279.

После того как 8 сентября 1941 г. немецкие войска после недельных ожесточенных боев захватили Шлиссельбург, Ленинград оказался блокированным с суши, и его положение стало критическим. В полученной на следующий день на имя К. Е. Ворошилова и А. А. Жданова шифрованной телеграмме за подписью И. В. Сталина, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова и Л. П. Берии содержалось обвинение в адрес руководства обороной Ленинграда в неумении распорядиться выделенными Ставкой ВГК резервами, а также грозный вопрос: «Будет ли конец потерям? Может быть, вы уже предрешили сдать Ленинград?»¹⁰. 11 сентября 1941 г. Военный Совет Ленинградского фронта был вынужден признать безуспешность своих попыток переломить ход событий¹¹.

Назначенный главнокомандующим войсками Ленинградского фронта генерал армии Г. К. Жуков вместо освобожденного от этой должности К. Е. Ворошилова получил от Верховного Главнокомандующего директиву «не допускать врага в Ленинград, чего бы это вам не стоило». При этом Сталин, по словам Жукова, оценивал положение Ленинграда как «катастрофическое» и даже «безнадежное»¹². Оно и впрямь было таковым, если на следующий день после прибытия в Ленинград Жукова, 13 сентября 1941 г., прилетел заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов, имевший мандат ГКО на проведение подготовительных мер на случай сдачи Ленинграда. Сочетание предпринятых новым главнокомандующим Ленинградским фронтом жестких мер с умелым маневрированием живой силой и техникой позволило отразить в сентябре 1941 г. яростные атаки противника на всех направлениях. Но 20 сентября 1941 г. Ставка потребовала от командования невозможного: в ближайшие два дня «пробить брешь на фронте противника» на синявинском направлении и, таким образом, деблокировать Ленинград. Выполнить эту директиву Ставки имеющимися силами не удалось, хотя поначалу новый главнокомандующий Ленинградским фронтом был полон оптимизма и в разговоре по прямому проводу с начальником Генерального Штаба Б. М. Шапошниковым 26 сентября 1941 г. даже обещал: «Да, сегодня, очевидно, к вечеру заберу Шлиссельбург, который мною весь окружен»¹³. Однако в боевом донесении И. В. Сталину от 30 сентября 1941 г. Г. К. Жуков был вынужден признать, что все попытки взять Шлиссельбург потерпели неудачу, и он приказал прекратить «лобовые атаки». Таким образом, первая попытка прорвать блокаду Ленинграда успеха не имела, и контуры блокадного кольца вокруг него окончательно определились.

Но главная задача – сорвать планы немецко-фашистского командования по овладению Ленинградом была достигнута. Защитники Ленинграда в результате многодневных изнурительных боев на дальних и ближних подступах к городу измотали и обескровили силы противника, который был вынужден окопаться у стен осажденного города. Горькая правда состояла в том, что немецко-фашистские войска удалось остановить ценой огромных потерь: в Ленинградской стратегической оборонительной операции, продолжавшейся с 10 июня по 30 сентября 1941 г., безвозвратные потери Северного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов составили 214078 человек¹⁴. Среди них были десятки тысяч ленинградских ополченцев, плохо вооруженных, но сильных духом, ценою своей жизни помешавших врагу войти в свой город.

С начала сентября 1941 г. для населения блокированного Ленинграда, в котором осталось свыше 2 млн 500 тыс. человек, в том числе около 400 тыс. детей, началась длительная каждодневная борьба за жизнь, полная опасностей, тревог, переживаний и лишений. Осуществляя свои варварские планы, немецко-фашистские войска приступили к систематическим артиллерийским обстрелам города и бомбардировкам с воздуха. На немецких картах Ленинграда были

¹⁰ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 217.

¹¹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. М.: СПб., 2005. С. 195–197.

¹² Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 30.

¹³ Новейшая история России. 2014. № 1. С. 280.

¹⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 167–168.

отмечены такие «военные» объекты, как его музеи, дворцы, школы, больницы и госпитали. Ленинградцы жили в постоянном нервном напряжении. Обстрелы следовали один за другим. Только с 4 сентября по 30 ноября 1941 г. город обстреливался 272 раза общей продолжительностью 430 час.¹⁵ Не правда ли довольно оригинальный способ заставить блокированный город «добровольно сдаться»?

В сложной обстановке осени 1941 г. главной задачей трудящихся осажденного Ленинграда стало производство вооружения и боеприпасов для фронта. Несмотря на эвакуацию многих предприятий (всего до октября 1941 г. было полностью или частично вывезено 86 крупных заводов и фабрик), мощность ленинградской промышленности оставалась значительной. По решению Военного Совета Ленинградского фронта в блокированном городе в числе действующих было сохранено 175 промышленных предприятий, а остальные были законсервированы. Совместными усилиями военных специалистов, рабочих, инженеров, техников и ученых с начала войны до 1 октября 1941 г. было произведено почти 1,5 млн артиллерийских снарядов и мин, 335 тяжелых танков КВ, 38 морских и 1579 сухопутных артиллерийских орудий, 6334 миномета и 476 бронемашин¹⁶.

В условиях блокированного Ленинграда особенно трудноразрешимой оказалась проблема продовольственного обеспечения войск и населения города. Принятое 30 августа 1941 г. Государственным Комитетом Обороны постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», которым Наркомат путей сообщения обязывался ежедневно, начиная с 31 августа, направлять на станции Волховстрой-2 и Лудейное поле восемь маршрутов с продовольствием для Ленинграда, не могло быть реализовано в условиях уже фактической блокады города. По этой причине Совнарком СССР принял 1 сентября 1941 г. постановление о снижении хлебных норм для населения Ленинграда, а в целях экономии ограниченных запасов муки предложил использовать для выпечки хлеба различные примеси. Главная трудность состояла в том, что доставить грузы в блокированный Ленинград можно было только воздушным и водным путем по Ладожскому озеру, не имевшему для этой цели крупных портовых сооружений и причалов. Транспортировка грузов по Ладоге осложнялась также недостатком судов, постоянными налетами вражеской авиации, частыми штормами, выводившими из строя буксирные пароходы и баржи. В результате за первый месяц навигации было доставлено в Осиновец всего 9800 т продовольствия¹⁷. Между тем продовольственное положение осажденного Ленинграда становилось все более угрожающим. На начало октября 1941 г. в городе имелось немногим более 20 тыс. т муки, которых могло хватить на 20 дней. В этих условиях руководству обороной не оставалось ничего другого, как пойти на очередное, третье по счету, снижение норм выдачи хлеба населению. С 1 октября 1941 г. рабочие и инженерно-технические работники стали получать в день 400 г, остальные – 200 г хлеба. Постепенно наступал голод, и его приближение отражалось на поведении и настроении ленинградцев.

Принимая во внимание, что в Ленинграде «с каждым днем все больше будут чувствоваться затруднения с продовольствием», Ставка ВГК решила предпринять в октябре 1941 г. новую попытку деблокировать город. Ее замысел заключался в том, чтобы встречными ударами 54-й, 55-й армий и Невской оперативной группы ликвидировать шлиссельбургско-синявинскую группировку немецких войск и восстановить сухопутную связь Ленинграда со страной. Прилетевший с этой директивой в войска представитель Ставки генерал Н. Н. Воронов впоследствии признавал, что отведенного на подготовку операции времени было недостаточно, а соотношение сил и средств на синявинском направлении оставляло слишком мало шансов

¹⁵ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / ред. коллегия: Х.Х. Камалов, В. М. Ковальчук (отв. ред.), Ю. С. Токарев; сост. Х.Х. Камалов, Р. В. Серднак, Ю. С. Токарев. М.: Л. 1966. С. 143.

¹⁶ Дзенискевич А. Р. Военная пятилетка рабочих Ленинграда. Л., 1972. С. 65.

¹⁷ Нейгольдберг В. Я. Речной транспорт в годы Великой Отечественной войны. М., 1965. С. 59.

на успех операции¹⁸. К тому же осуществленный в это время противником мощный прорыв на тихвинском направлении сразу же поставил под сомнение успех начавшейся 20 октября 1941 г. Синявинской операции. Вместо того, чтобы усилить войска Ленинградского фронта, Ставка была вынуждена для ликвидации возникшей угрозы выделить из его состава четыре дивизии, три – из своего резерва и одну – из резерва Северо-Западного фронта. В результате ослабления Ленинградская группировка не могла вести сколько-нибудь эффективное наступление на Синявинском направлении, несмотря на грозные телеграммы Верховного Главнокомандующего.

Поставленная в октябре 1941 г. Ставкой ВГК задача деблокировать Ленинград в случае ее успеха имела бы жизненно важное значение для осажденного города еще и потому, что 12 октября 1941 г. в группу армий «Север» поступил приказ верховного главнокомандования вермахта: «Фюрер вновь решил не принимать капитуляции Ленинграда, даже если она будет предложена противником. Моральное обоснование для этого ясно всему миру. Так же, как в Киеве, где вследствие взрывов с применением часовых механизмов возникла тяжелейшая угроза для войск, это нужно еще в большей степени предусмотреть в Ленинграде. О том, что Ленинград будет заминирован и будет защищаться до последнего человека, сообщило само советское русское радио. Поэтому ни один немецкий солдат не должен входить в этот город. Тех, кто попытается покинуть город через нашу линию, следует возвращать обратно путем применения огня»¹⁹.

Комментируя этот весьма недвусмысленный документ, Ю.М. Лебедев пишет: «В этом решении верховного командования вермахта речь не велась об уничтожении населения Ленинграда в том случае, если бы город капитулировал. Понимая, что огромный город в случае его капитуляции прокормить не удастся, немецкое командование рассматривало возможность вывода населения через открытый в районе Шлиссельбурга коридор в восточном направлении. Но этот вариант сами же немцы считали нереальным, поскольку пришлось бы договариваться с советскими представителями. Сталин на подобные предложения никогда не откликнулся, и немцы ясно это понимали. По существу применительно к Ленинграду сложилась тупиковая ситуация. Брать город группе армий «Север» было запрещено, но и оставлять его дальше в виде осажденной крепости тоже не имело смысла, поскольку город не только не сдавался, а, напротив, постоянно пытался наносить урон противнику»²⁰. В этом довольно оригинальном разъяснении приказа верховного командования вермахта почему-то остался без комментария пункт о том, как поступать с жителями блокированного города, которые попытаются его покинуть.

Ставка ВГК не считала сложившуюся к этому времени ситуацию вокруг блокированного Ленинграда «тупиковой», призывая его руководителей к решительным действиям. 8 ноября 1941 г. И. В. Сталин в разговоре по прямому проводу с командованием Ленинградского фронта еще раз предупредил: «Если в течение нескольких дней не прорветесь на восток, вы загубите Ленинградский фронт и население Ленинграда. Повторяю, времени у вас осталось очень мало, скоро без хлеба останетесь»²¹. И это была жестокая правда.

В середине ноября 1941 г. в осажденном Ленинграде были отмечены первые случаи смерти от так называемой алиментарной дистрофии. Единственным средством борьбы с этим заболеванием, вызванным истощением организма от постоянного недоедания, являлось полноценное питание, но после захвата противником Тихвина, когда возникла угроза полного прекращения подвоза в блокированный город продовольствия, население ожидало новое снижение и без того мизерных норм. С 13 ноября 1941 г. на рабочую карточку стали выдавать

---

¹⁸ Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 217–218.

¹⁹ Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция / под ред. Рейнгарда Рюропа. Берлин, 1992. С. 69.

²⁰ Лебедев Ю.М. Ленинградский «блицкриг». С.312.

²¹ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 61–62.

300 г, а на все остальные – 150 г хлеба. Перед этим, четвертым уже по счету снижением, другие продукты выдавались нерегулярно и не полностью. В городе наступал голод. Выделенные по специальному постановлению Государственного Комитета Обороны для доставки продовольствия в Ленинград «Дугласы» не могли решить проблему снабжения почти 2,5 млн его населения. Реальную помощь, как показал даже не совсем успешный опыт осенней навигации, могли принести только перевозки по Ладожскому озеру. Поэтому по инициативе Военного Совета Ленинградского фронта было решено проложить по Ладоге ледовую дорогу, по проектированию и строительству которой была проделана в октябре-ноябре 1941 г. большая подготовительная работа. 19 ноября 1941 г. был подписан приказ войскам Ленинградского фронта «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро»²². В этот же день Военный Совет Ленинградского фронта был вынужден принять еще одно постановление: «Во избежание перебоев в обеспечении хлебом войск фронта и населения гор. Ленинграда» установить 20 ноября 1941 г. самые низкие за время блокады нормы выдачи хлеба: рабочим и инженерно-техническим работникам – 250 г, служащим, иждивенцам и детям – 125 г; частям первой линии и боевым кораблям – 500 г, летно-техническому составу ВВС – 500 г, всем остальным воинским частям – 300 г. Суточный расход муки и примесей составлял с 20 ноября 1941 г. всего 510 т, из них населению Ленинграда – 310 т, Ленинградской области – 31 т, войскам Ленинградского фронта – 144 т и частям КБФ – 25 т²³. Чтобы не прекратить выдачу хлеба населению совсем, при его выпечке ученые предложили использовать целлюлозу. Разработанные ими гидролизные установки для превращения целлюлозы в пищевой продукт были смонтированы на 6 предприятиях города, и с конца ноября 1941 г. «пищевая целлюлоза» стала поступать на хлебозаводы.

22 ноября 1941 г. бюро Ленинградского горкома ВКП(б) приняло специальное постановление «О печатании продовольственных карточек на декабрь 1941 г.», которым начальник управления по учету и выдаче продовольственных карточек И. Г. Стожилов обязывался «предусмотреть такую технику оформления продовольственных карточек, которая исключала бы возможность их подделывания...». В типографии им. Володарского, где печатались продовольственные карточки, предлагалось «ввести круглосуточное дежурство у каждой печатной машины», а также установить строгий контроль над расходом бумаги для печатания продовольственных карточек, предусмотреть отчетность типографии «за каждый ее клочок»²⁴. Эти строгие меры контроля за печатанием продовольственных карточек были направлены на усиление борьбы с расхитителями продуктов питания, на которую обращалось внимание в постановлении Военного Совета Ленинградского фронта от 19 ноября 1941 г.²⁵

9 декабря 1941 г. войска 4-й армии в результате ожесточенных кровопролитных боев овладели Тихвином, что позволило возобновить перевозки продовольствия для осажденного Ленинграда по восстановленной железной дороге до станции Войбокало. Однако проблема транспортировки этих грузов через Ладожское озеро по-прежнему оставалась наиболее уязвимым местом. Из-за чрезвычайно сложных условий эксплуатации ледовой трассы в декабре 1941 г. она не удовлетворяла и дневную потребность города в муке для выпечки хлеба.

Последнее, пятое по счету, снижение норм выдачи хлеба имело для большинства ленинградцев тяжелые физические и моральные последствия. Стремительное развитие алиментарной дистрофии усугублялось тяжелыми психическими травмами, вызванными постоянными бомбежками, обстрелами, потерей близких людей. Физическое напряжение, холод, отсутствие электричества и отопления, воды и элементарных бытовых условий еще больше понижали

²² Там же. С. 195–196.

²³ Там же. С. 663.

²⁴ Ленинград в осаде. Архивные документы Второй мировой войны. Интернет-проект Архивного комитета Санкт-Петербурга. Док. № 92. Л. 1.

²⁵ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 194–195.

сопротивляемость людей к болезням, их волю к жизни. 7 декабря 1941 г. городской отдел здравоохранения рассмотрел и утвердил «служебную записку» видных ученых-профессоров М. Г. Данилевич, М. Д. Тушинского и М. И. Хвилицкой «О терминологии и лечении алиментарных расстройств». В этой записке, в частности, предлагалось получившую в связи с нарушениями питания широкое распространение болезнь «обозначить термином “алиментарная дистрофия”». В условиях отсутствия главного средства лечения – достаточного количества продуктов питания – в записке давались такие рекомендации, как ограничение потребления жидкости и соли, постельный режим, теплые ванны, подкожное введение кофеина и внутривенное глюкозы²⁶. На 23 декабря 1941 г. в 34 больницах и госпиталях блокированного города находилось около 2800 больных алиментарной дистрофией²⁷. На самом деле число истощенных ленинградцев, нуждавшихся в лечении от алиментарной дистрофии, к этому времени исчислялось уже десятками тысяч. Известно, что в декабре 1941 г. работники треста «Стальконструкция» по заданию горкома партии и исполкома Ленгорсовета сняли с пьедесталов и транспортировали в сад отдыха Дворца пионеров четыре скульптурные группы клодтовских коней с Аничкова моста весом 7–8 т каждая. Менее известно, что опустить в землю на необходимую глубину тогда удалось только одну скульптурную группу, так как у истощенных и обессиленных рабочих не хватило сил справиться с промерзшей землей. Три оставшиеся скульптурные группы, густо обмазанные техническим вазелином и обернутые специальной бумагой, были лишь прикопаны в неглубоких ямах. Только в мае 1942 г. все четыре скульптурные группы были укрыты на необходимую глубину, но и тогда ослабевшим работникам «Стальконструкции» удалось это сделать с большим трудом²⁸.

21 декабря 1941 г. на имя А. А. Жданова пришла спасительная телеграмма от генерала К. А. Мерецкова: «Задача, поставленная т. Сталиным войскам 4-й армии, выполнена. Сегодня 20.12 16.00 железная дорога Тихвин – Волхов полностью очищена от войск противника и может быть использована для подвоза грузов летучками до Волхова»²⁹. 24 декабря А. А. Жданов информировал Москву, что по ледовой дороге впервые поступило в город такое количество муки, которое превысило дневную потребность для выпечки хлеба. И Военный Совет Ленинградского фронта, учитывая отчаянное положение населения и надеясь на улучшение подвоза в ближайшее время, идет на рискованный шаг – принимает в тот же день постановление о прибавке хлебных норм. И хотя эта прибавка была почти символической – прибавили по 100 г хлеба рабочим и 75 г всем остальным – она имела большое моральное значение. Вместе с тем Управление НКВД в своем спецсообщении не скрывало, что наряду с восторженными откликами большинства населения были и «отрицательные высказывания», отмеченные «среди незначительной части населения». Они сводились к тому, что «о населении города позаботились слишком поздно. Была допущена большая смертность от голода»³⁰. В декабре 1941 г. умерло 53 тыс. мирных жителей, что превысило смертность в Ленинграде за весь 1940 г. – 46 827 человек³¹.

В наступившие суровые дни зимы 1941 г., когда, казалось, смерть вот-вот восторжествует в застывшем Ленинграде, его руководство принимало отчаянные усилия, чтобы пульс жизни в городе не замер совсем, чтобы обеспечить хотя бы в минимальных размерах потребность фронта в боеприпасах и вооружении. В направленной на имя

²⁶ Ленинград в осаде. Архивные документы Второй мировой войны. Интернет-проект Архивного комитета Санкт-Петербурга. Док. № 115. Л. 1.

²⁷ Там же. Док. № 117. Л. 2.

²⁸ От войны к миру: Ленинград 1944–1945. Сб. документов / отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2013. С. 176.

²⁹ Блокада рассекреченная / сост. В. И. Демидов. СПб., 1995. С. 209.

³⁰ *Ломагин Н. А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000. С. 183–184.

³¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 4965. Он. 1. Д. 4733. Л. 1, 1об.

А. А. Жданова справке Отдела оборонной промышленности горкома партии от 23 ноября 1941 г. констатировалось, что «за последние три дня заводы работали не более 6 часов в сутки из-за отсутствия электроэнергии и острого недостатка мазута». Тем не менее в эти дни Ижорский завод, перебазируемый на завод «Центролит», приступил к прокату минометных снарядов для 50-мм и 82-мм минометов, а завод «Большевик» продолжал выплавлять металл и ковать заготовки для 120-мм минометов, чтобы выполнить задание на декабрь 1941 г. – 400 минометных труб³². После того как город остался практически без электроэнергии, на предприятиях стали устанавливать газогенераторы, двигатели внутреннего сгорания, собственные блок-станции. Обессиленные голодом и уже тяжело больные дистрофией рабочие оборонных предприятий продолжали выполнять фронтные задания. Многие из них перешли на казарменное положение, экономя тем самым силы и продлевая себе жизнь. Ведь в коллективе легче переносились трудности, заглушались неотвязчивые мысли о пище. «Мы все были как одна семья», – вспоминала работница артиллерийского полигона М. Сяпина. 9 декабря 1941 г. А. А. Кузнецов, отвечая на упреки Г. М. Маленкова, требовавшего отправлять Москве полковые пушки и минометы «скорее и больше», заверял: «Все пушки, 120-мм и 82-мм минометы мы ни в одну из наших дивизий не даем, а все вам отгружаем...». Выполняя задания Государственного Комитета Обороны, рабочие ленинградской промышленности произвели за первые шесть месяцев войны 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов и бронеплощадок, 2406 полковых пушек, 648 противотанковых орудий, 2585 танковых и ручных огнеметов, 9977 минометов разных калибров, 3075 500 артиллерийских снарядов и мин, 39740 авиабомб, 2 982 000 гранат, достроили 84 корабля разных классов, отремонтировали 186 судов³³.

В условиях почти полного отсутствия продовольственных ресурсов в блокированном Ленинграде его руководство было озабочено в первую очередь сохранением рабочих кадров, выполнявших оборонные заказы. 29 декабря 1941 г. Исполком Ленгорсовета принял решение «О мероприятиях по медицинскому обслуживанию дистрофиков», которым поручалось Ленгорздравотделу развернуть «сеть стационарных лечебно-питательных пунктов» на 10 коек каждый. Первые лечебные стационары были организованы на 17 действующих оборонных предприятиях. Однако это не решало проблему восстановления и поддержания «дистрофиков», поскольку такие стационары предлагалось оборудовать и содержать на средства предприятий и учреждений с привлечением ресурсов местных общественных организаций³⁴. Известный театальный деятель Л. В. Шапорина записала в своем дневнике 4 января 1942 г.: «1-го начал функционировать наш стационар, но в жалком виде. Удалось обогреть помещение бомбоубежища на 12 кроватей и бывшее детское отделение на семь»³⁵. По всей видимости, руководство города понимало, что предлагаемые меры недостаточны, и на состоявшемся 9 января 1942 г. заседании бюро городского комитета партии вопрос «об организации помощи особо ослабевшим гражданам» обсуждался более основательно. Председательствовавший на этом заседании А. А. Кузнецов, озвучив главный тезис руководства – «слабых надо поддержать, но не увеличением питания, а с точки зрения организации врачебной помощи, врачебного питания», – предложил резко расширить сеть лечебных стационаров. В частности, намечалось открыть городской стационар на 16 тыс. мест, из которых 2 тыс. выделялось для видных ученых, работников культуры и искусства, руководителей хозяйственных и общественных организаций. Предлага-

³² Ленинград в осаде. Архивные документы Второй мировой войны. Интернет-проект Архивного комитета Санкт-Петербурга. Док. № 45. Л. 1–2.

³³ На защите Невской твердыни / отв. ред. Ю. Н. Яблочкин. Л., 1965. С. 302.

³⁴ Ленинград в осаде. Архивные документы Второй мировой войны. Интернет-проект Архивного комитета Санкт-Петербурга. Док. № 118. Л. 1–2.

³⁵ Шапорина Л. В. Дневник: в 2 т. Т. 1. М., 2012. С. 296.

лось также увеличить число мест в районных стационарах и расширить число предприятий, где будут созданы свои стационары³⁶.

К сожалению, в стационары могли попасть далеко не все, кто нуждался «во врачебной помощи и врачебном питании», а в первую очередь те, кто был связан так или иначе с производством оборонной продукции. Гуманитарная интеллигенция, снабжавшаяся по нормам служащих, оказалась в бедственном положении. 17 января 1942 г. Комиссия по ленинградским учреждениям АН СССР обратилась к А. А. Жданову с просьбой рассмотреть вопрос о возможности выдачи продовольственных карточек первой категории «основному кадру работников АН СССР» из числа кандидатов наук в количестве 115. Жданов переадресовал это письмо П. С. Попкову, который ответил, что этот вопрос разрешается через «закрытый магазин»³⁷. Но к «закрытому магазину», который находился в Елисеевском гастрономе, были прикреплены только наиболее известные ученые, в первую очередь академики и члены-корреспонденты АН СССР, а кандидаты наук стали получать карточки первой категории только с февраля 1942 г. В это же время народная артистка СССР В. А. Мичурина-Самойлова обращается к секретарю горкома партии А. А. Кузнецову как «к единственному человеку, который может разрешить страшный вопрос» ее жизни: «сейчас я нахожусь в таком плохом физическом состоянии, что едва могу передвигаться... Поддержите меня, Алексей Александрович, я еще могу быть полезной в искусстве...»³⁸. Просьба народной артистки СССР была услышана, и В. А. Мичурина-Самойлова была поддержана властью в критический момент жизни. Увы, такая поддержка оказывалась далеко не всем, кто обращался за ней в Смольный.

Понимая необходимость оказания неотложной помощи населению блокированного Ленинграда, Москва изыскивала продовольственные ресурсы и пути их доставки в осажденный город. 10 января 1942 г. было подписано распоряжение СНК СССР, которым соответствующие наркоматы и ведомства обязывались отгрузить Ленинграду в январе 1942 г. 18 тыс. т муки, 10 тыс. т крупы, 6192 т мяса, 1100 т животного масла и другие продукты питания³⁹. В целях строгой централизации распределения продовольственных ресурсов Военный Совет Ленинградского фронта образовал 11 января 1942 г. продовольственную комиссию во главе с секретарем горкома партии А. А. Кузнецовым⁴⁰. С этого времени только эта комиссия рассматривала все вопросы, связанные с увеличением расходования продовольствия как для гражданских и военных организаций в целом, так и для отдельных лиц.

Радикальным решением жизнеобеспечения осажденного Ленинграда могло стать только его освобождение от блокады. Вот почему Ставка ВГК предпринимала одну за другой попытку деблокировать город, не всегда считаясь с реальными возможностями. Начавшаяся в январе 1942 г. Любаньская наступательная операция была уже третьей попыткой вызволить Ленинград из блокады. Главная роль в этой операции, начало которой было намечено Ставкой на 7 января 1942 г., отводилась созданному в декабре 1941 г. Волховскому фронту. Однако, по позднему признанию командующего Волховским фронтом генерала К. А. Мерецкова, «фронт не был готов к наступлению»⁴¹. Тем не менее он приказал начать наступление в назначенный Ставкой срок, хотя И. В. Сталин и разрешил отложить начало наступления, если 2-я ударная

---

³⁶ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны / ред. коллегия: Н. И. Барышников, И. П. Бабурин, Т. А. Зернова, В. М. Ковальчук, Ю. И. Колосов, Т. С. Конохова, Н. В. Пономарев, Г. Л. Соболев; отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 283–284.

³⁷ Ленинград в осаде. Архивные документы Второй мировой войны. Интернет-проект Архивного комитета Санкт-Петербурга. Док. № 206. Л. 1.

³⁸ Там же. Док. № 104. Л. 1–2.

³⁹ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. С. 219–220.

⁴⁰ Там же. С. 221–222.

⁴¹ Мерецков К. А. На службе военной. М., 1988. С. 248.

армия к нему еще не готова⁴². Из-за слабости ударных группировок, непродуманного распределения сил, плохой артиллерийской и авиационной поддержки начавшееся наступление стрелковых частей Волховского фронта не могло привести к прорыву обороны упорно сопротивлявшегося противника. К концу января 1942 г. стало очевидным, что не только первоначальный замысел Ставки оказался нереальным, но и возникла угроза выполнению его ограниченного варианта – овладения стратегически важным пунктом – Любанью.

Тем временем положение в блокированном Ленинграде продолжало ухудшаться. Хотя с 24 января 1942 г. были во второй раз повышены нормы выдачи населению хлеба, эта мера не могла остановить алиментарную дистрофию. Как сообщало «наверх» УНКВД по Ленинграду и области, увеличение хлебной нормы, «при ограниченной норме выдачи других нормированных продуктов, не улучшило положение населения»⁴³. В конце января 1942 г. смертность в Ленинграде нарастала катастрофическими темпами и почти в два раза превысила смертность в декабре 1941 г. Многие ослабленные голодом люди были не в силах самостоятельно похоронить своих родных и близких и далеко не всегда и не сразу регистрировали их смерть. Захоронение умерших в больницах и госпиталях временно разрешалось по спискам с последующим оформлением в районных ЗАГСах⁴⁴. По этой причине точной регистрации смертности ленинградцев зимой 1941–1942 г. не было и быть не могло. Первоначально определенная смертность на январь 1942 г. в 96751 человек была в результате поступления дополнительных актов скорректирована до 127 тыс. человек⁴⁵.

В январе 1942 г. противоборство жизни и смерти в осажденном Ленинграде достигло своего апогея. Неся огромные жертвы, ленинградцы до последнего дыхания боролись за свои жизни и своих родных и близких и потому выживали даже тогда, когда, казалось, шансов на спасение уже не было. Большинство населения стойко и, как правило, безропотно сносило ужасы блокадной зимы, и только наиболее отчаявшаяся часть горожан пыталась самостоятельно найти выход из смертельной ситуации, побудить власти к более активным действиям. Отмеченный военной цензурой в январе 1942 г. «рост отрицательных антисоветских настроений» (до 20 %)⁴⁶ можно назвать таковым лишь условно. Современные исследователи, основываясь на анализе не доступных ранее источников, приходят к выводу, что призывы побудить власти к активным действиям или самостоятельно предпринять какие-либо шаги для улучшения своего положения не доминировали в блокированном городе даже в это страшное время. Большинство населения оставалось законопослушным и не помышляло о борьбе с властью⁴⁷. Даже немецкая разведка признавала тогда, что, «несмотря на отдельные факты сопротивления, нельзя рассчитывать на организованное восстание, которое только и может привести к изменению ситуации. Город прочно находится в руках Советов»⁴⁸.

Основываясь на опубликованных сегодня документах, нельзя не признать, что среди подавляющего большинства ленинградцев, готовых до конца защищать свой город, были и такие, кто, поддавшись на немецкую агитацию, искренне считал, что в случае сдачи города закончатся их голодные страдания. Мы также знаем, что опубликованные немецкие документы не дают ни малейших оснований полагать, что немецко-фашистское командование было озабочено гуманными соображениями относительно судьбы населения осажденного им Ленин-

---

⁴² Блокада в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. С. 82.

⁴³ Ломагин Н. А. Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн. 2. Документы. Приложения. М., СПб., 2002. С. 278.

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1436. Л. 80.

⁴⁵ Черепенина Н.Ю. 1) Демографическая катастрофа блокированного Ленинграда // Жизнь и смерть в осажденном Ленинграде. СПб., 2001. С. 16; 2) Новые архивные документы // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, библиография / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 39.

⁴⁶ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн.2. С. 280.

⁴⁷ Там же. Кн. 1. С. 374.

⁴⁸ Там же.

града. Показательно, что и спустя почти 50 лет со времени блокадной эпопеи выжившие ленинградцы в своем подавляющем большинстве были по-прежнему против сдачи города немецко-фашистским захватчикам.

Скорбя о многих сотнях тысяч погибших ленинградцев, от голода и болезней, артиллерийских обстрелов и бомбежек, в первый год войны и блокады города, мы не должны забывать, что с начала войны и до середины апреля 1942 г. было эвакуировано более 970 тыс. жителей Ленинграда, в том числе свыше 500 тыс. человек с января по апрель 1942 г. по Ладожской ледовой дороге⁴⁹. Мы должны помнить, что благодаря налаженной с таким трудом доставке по «Дороге жизни» продовольствия удалось в конце концов победить алиментарную дистрофию и ликвидировать последствия голодной зимы. Это позволило ленинградской промышленности возобновить производство оборонной продукции. В мае 1942 г. выпуском вооружения и боеприпасов были заняты уже 57 предприятий. Основной рабочей силой становятся в это время женщины и подростки, число которых возрастало на оборонных заводах с каждым месяцем⁵⁰.

К сожалению, поставленные Ставкой ВГК задачи в Любаньской наступательной операции – окружить и уничтожить вражескую группировку в районе Кириши, Чудово, Любань и затем прорвать блокаду Ленинграда – по целому ряду объективных и субъективных причин не могли быть решены в намеченные сроки, и в конце апреля 1942 г. операция была прекращена. В ходе четырехмесячных ожесточенных боев войска Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта понесли большие потери. Только безвозвратные потери составили более 95 тыс. человек, а вместе с санитарными – свыше 300 тыс. человек⁵¹. Но это не были бессмысленные жертвы: воины Красной Армии понимали, что они защищают блокированный фашистами Ленинград, который, неся огромные потери от голода, обстрелов и бомбежек, продолжал бороться за свою судьбу и своим примером вдохновлял всех защитников отечества. Воевавший на синявинских рубежах поэт Сергей Наровчатов впоследствии говорил: «А ведь мы не смогли бы столько держаться там, голодные и обессиленные, если бы рядом не было живого города, огромного и живого Ленинграда. Просто лес, просто болота так защищать невозможно было бы»⁵².

Хотя «снять блокаду с Ленинграда до наступления весенней распутицы» не удалось, на что так надеялись А. А. Жданов и А. А. Кузнецов в своем письме командующему Ленинградским фронтом М. С. Хозину в марте 1942 г.⁵³, пережившие страшную зиму ленинградцы уже не чувствовали себя обреченными, и с каждым днем весны возрастало число тех, кто начинал оптимистически смотреть в будущее. 27 мая 1942 г.

О. Ф. Берггольц записала в своем дневнике: «Еще умирают в домах, где с зимы держатся холод и тьма (окна-то забиты), но общий тонус выше, и жажда жизни говорит все громче, нет того чувства всеобщей обреченности, как в феврале»⁵⁴. Но до всеобщего чувства торжества было еще далеко, ленинградцам предстояло пережить еще немало трудностей и выдержать новые испытания блокадной жизни...

---

⁴⁹ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. С. 301–302.

⁵⁰ Там же. С. 162–163.

⁵¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / под ред. Г. Ф. Кривошеева. С. 224–225.

⁵² Адамович Алесь, Гранин Даниил. Блокадная книга. Л., 1984. С. 498.

⁵³ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. С. 72.

⁵⁴ Ольга. Запретный дневник. Дневники, письма, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб., 2010. С. 111.

Глава первая

Всеволод Вишневский: «Враги у его стен, а город стоит» (июнь 1942 г.)

«1 июня. Ясное утро. Светит солнце, температура +10°. Днем до +20°. Сутки прошли спокойно. Отдаленная артиллерийская стрельба. В городе без перемен»⁵⁵, – записал в своем дневнике старший бухгалтер Института легкой промышленности Н. П. Горшков. Внимательный наблюдатель, педантично фиксировавший в своем дневнике все, что видел и слышал в осажденном городе начиная с сентября 1941 г., и плохо представлявший, что происходило за пределами блокадного кольца, мог лишь предполагать, что так ожидаемые всеми ленинградцами «перемены» наступят не скоро. Сложившаяся напряженная обстановка в результате неудачи Любаньской операции по прорыву блокады Ленинграда и впрямь не внушала оптимизма, и командованию Ленинградского фронта пришлось принимать неотложные меры по укреплению обороны города. 1 июня 1942 г. Военный Совет Ленинградского фронта принял постановление «Об организации работ на оборонительных рубежах», для выполнения которого Ленгорисполком принял на следующий день решение «О мобилизации населения города на завершение оборонительных работ». Продолжительность рабочего дня устанавливалась в 10 часов⁵⁶. Десяткам тысяч ленинградцев пришлось снова взять в руки лопаты, топоры, кирки, ломы и носилки. Объектом напряженного труда стали хорошо известные населению пригородные дачные места и окраины города. В самом Ленинграде строились баррикады, доты, дзоты, сооружались противотанковые препятствия. Пытаясь сорвать оборонительные работы, противник обрушил на строителей артиллерийский огонь и бомбовые удары. «Итак, я опять строю доты, – записал 4 июня 1942 г. в своем дневнике главный инженер завода «Судомех» В. Ф. Чекризов. – Горячо взялись за них и, конечно, не справились бы, если бы не прислали краснофлотцев и красноармейцев. Среди них слесаря, разметчики, сварщики, резчики, самое главное, они крепкие, здоровые физически люди, чего нельзя еще сказать о большинстве наших рабочих. Отпечаток голодной зимы еще не у всех прошел»⁵⁷.

Еще одной важной мерой укрепления обороноспособности осажденного Ленинграда в июне 1942 г. стало всеобщее военное обучение второй очереди, которое развернулось в 26 районных военно-учебных пунктах. Для улучшения методического руководства военно-учебными пунктами был открыт общегородской учебно-методический центр – Дом всеобуча⁵⁸. В помощь внутреннему гарнизону были организованы вооруженные рабочие отряды, основной задачей которых было уничтожение немецких войск в случае их вторжения в город. К 1 июля 1942 г. на предприятиях Ленинграда было организовано 77 таких отрядов общей численностью 8490 человек⁵⁹. Постепенно была восстановлена и деятельность групп самозащиты при домоуправлениях. К концу июня 1942 г. насчитывалось 2733 группы самозащиты, в которых состояло 60 тыс. человек⁶⁰.

Проведенная в это время сверка домовых книг с фактически проживающим населением помогла выяснить реальную демографическую ситуацию в домохозяйствах. Всего было прове-

---

⁵⁵ Архив Большого Дома. Блокадные дневники и документы / сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. СПб., 2004. С. 111.

⁵⁶ Ленинградская правда. 1942. 2 июня.

⁵⁷ Чекризов В. Ф. Дневник блокадного времени // Труды Государственного Музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 8. СПб., 2004. С. 81.

⁵⁸ Карасев А. В. Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959. С. 250.

⁵⁹ Там же. С. 252.

⁶⁰ Там же. С. 253.

рено 15945 домов и 1179 общежитий. В результате этой проверки было выявлено выбывших и не отмеченных 241687 человек (!), в том числе 112 757 выбывших по эвакуации, 33 029 ушедших в Красную Армию, 81305 умерших⁶¹. Как отмечал в справке на имя председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова начальник Управления милиции Ленинграда Е. С. Грушко, «проверка показала, что управхозы и коменданты домов отметку выбывающих граждан производили несвоевременно ввиду их массового выбытия»⁶².

Объективным показателем возрождения города после зимнего паралича и разрухи стало начавшееся весной 1942 г. восстановление городского хозяйства и улучшение его санитарного состояния. К середине июня 1942 г. Государственная санитарная инспекция Ленинграда проверила санитарное состояние всех домов города. Было обследовано более 11 тыс. домов, из них, по заключению комиссии, элементарный санитарный порядок был наведен в 9525 домах. Домовая канализация действовала в 7654 домах. Хотя вода подавалась в квартиры только 3,5 тыс. домов, еще более 3 тыс. домов были обеспечены водоразборами. Контроль за санитарным состоянием домов стали осуществлять практически полностью восстановленные санитарно-бытовые комиссии⁶³. Разительные перемены в жизни города к лету 1942 г. отмечены во многих дневниках блокадников и в их письмах родным и близким.

Заметным событием в блокадной жизни ленинградцев стало расширение трамвайной сети: к пяти маршрутам (№ 3, 7, 9, 10, 12) с 15 июня добавился маршрут № 20, который пересекал почти весь город с севера на юг – от Политехнического института до площади Стачек. С 20 июня был продлен маршрут «десятки» на целых пять километров, и она пошла теперь от Расстанной улицы до Охтинского кольца. Обкатка нового участка совпала с сильным артиллерийским обстрелом: в этот день в городе разорвалось 189 вражеских снарядов, в результате чего было убито 13 и ранено 49 его жителей⁶⁴.

Наученное горьким опытом первой блокадной зимы, руководство обороной города принимает еще 11 июня 1942 г. совместное (бюро Ленинградского горкома партии и исполкома Ленгорсовета) постановление «О порядке организации работ по слому деревянных сооружений для создания зимнего запаса дров». Сносу подлежали в первую очередь строения, разрушенные бомбардировками и обстрелами, расположенные на участках, «нуждающихся в разрядке по санитарным и гигиеническим требованиям», а также недостроенные дома. Из предназначенных к сносу 6 тыс. деревянных домов предстояло расселить 90 тыс. жителей⁶⁵.

С наступлением погожих июньских дней многие ленинградцы впервые «выползли» во дворы своих домов, на улицы и в скверы, чтобы насладиться теплом и солнцем. «На улицах сидят и греются дистрофики и цинготные. Обнажили ноги, распухшие, покрытые цинготной сыпью, черные и тонкие, исхудалые,»⁶⁶ – отметил в июне 1942 г. в своем дневнике В.Ф.Чекризов. Хотя число «дистрофиков» к лету 1942 г. значительно сократилось, борьба с алиментарной дистрофией оставалась важной задачей органов власти и медицинских учреждений. На 15 июня 1942 г. в больницах и госпиталях находилось 16892 ленинградца с самой тяжелой формой дистрофии III степени, а еще 6989 человек с таким заболеванием нуждались в госпитализации. Ссылаясь на постановление Военного Совета Ленинградского фронта от 5 мая

---

⁶¹ Черепенина Н.Ю. Новые архивные документы //О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, историография / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 31.

⁶² Там же.

⁶³ Ленинград в осаде. Архивные документы Второй мировой войны. К 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Интернет-проект Архивного комитета Санкт-Петербурга / отв. сост. и науч. ред. Н. Ю.Черепенина. СПб., 2014. Док. № 191. Докладная записка Государственной инспекции Ленинграда А. А. Жданову от 16 июня 1942 г. (URL: Портал «Архивы Санкт-Петербурга» // [http:// blocade.spbarchives.ru](http://blocade.spbarchives.ru) (дата обращения: 21.02.2015)).

⁶⁴ Буров А. В. Блокада день за днем. 22 июня 1941 года – 27 января 1944 года. Л., 1979. С. 201, 203.

⁶⁵ Там же. С. 198–199.

⁶⁶ Чекризов В. Ф. Дневник блокадного времени. С. 81.

1942 г., которым было предоставлено 7 тыс. коек для госпитализации гражданских больных в госпиталях Санитарного управления Ленфронта, председатель Ленгорисполкома П. С. Попков обратился к А. А. Жданову с просьбой обязать Санитарное управление «принять новых больных на освободившиеся в госпиталях койки в связи с выпиской гражданских больных и впредь не снижать установленного контингента в количестве 7000 человек...»⁶⁷. Лечение более легких форм алиментарной дистрофии проходило как через столовые лечебного или усиленного питания, так и путем расширения и улучшения системы общественного питания в целом. К середине июня 1942 г. услугами столовых пользовались 850 тыс. ленинградцев, в том числе более 400 тыс. из них находились на полном рационе⁶⁸. Так называемое рационное питание, когда взамен продовольственных карточек их владельцы получали в столовых завтрак, обед и ужин, позволяло распределять скудную блокадную норму на протяжении всего дня, лишая тем самым соблазна съесть ее за один раз.

Конечно, при таком широком охвате населения сетью общественного питания навести порядок в столовых было трудно, несмотря на проводившиеся проверки их работы различными органами власти. Факты хищения продовольствия работниками столовых неоднократно отмечались в спецсообщениях Управления НКВД по Ленинграду, что подтверждало многочисленные жалобы и подозрения питавшихся в столовых ленинградцев в том, что их обманывают. И все же привычные для блокадной зимы картины в столовых с их еле живыми посетителями, которые, отстояв огромную очередь, поглощали прямо в верхней одежде свою миску супа или каши в темном помещении, постепенно уходили из блокадного быта ленинградцев. «Сегодня первый раз после почти годового перерыва я ела в столовой в культурных условиях, – записала 5 июня 1942 г. в своем дневнике М. С. Коноплева. – Посетителей заставляют снимать верхнюю одежду, от чего за зиму мы отвыкли. В вестибюле приведен в порядок водопровод, можно перед едой вымыть руки – и от этого отвыкли. Удивительно быстро теряются привычки... Чистые скатерти на столах, цветы. Официантки вежливы. Из папуасов, в которых мы превратились зимой, мы снова возвращаемся к облику культурных людей»⁶⁹. Хотя такой идеальный порядок был еще скорее исключением, работа столовых с лета 1942 г. не вызывала уже столько нареканий ленинградцев.

Стратегическое значение для обороны Ленинграда имело введение в строй Ладожского трубопровода, построенного в короткие сроки в сложных условиях, в непосредственной близости от позиций противника. Решение Государственного Комитета Обороны о строительстве трубопровода по дну Ладоги состоялось 25 апреля 1942 г., а 18 июня 1942 г. блокированный город получил первые тонны керосина. Перекачка топлива по трубопроводу, уложенному по дну Ладожского озера, не только высвобождала транспорт, но и делала снабжение Ленинграда горючим независимым от погодных условий, сводила на нет угрозу воздействия вражеской авиации и артиллерии, освобождала тыл фронта от необходимости строить новые наливные средства, экономила большое количество автоцистерн. Ладожский трубопровод был значительным инженерным сооружением, включавшим головную перекачивающую станцию, линейную часть трубопровода, приемную станцию и запасной наливной пункт. Головная станция, находившаяся на восточном берегу озера, на мысе Кареджи, состояла из резервуаров для горючего, двух насосных станций, двух электростанций и устройств для приема горючего одновременно с 12 железнодорожных цистерн. Линейный трубопровод общей длиной около 30 км в своей большей части (21,5 км) проходил по дну озера. Конечный пункт трубопровода включал приемную станцию в Борисовой Гриве и резервный наливной пункт в Ваганове. Хотя строительство Ладожского трубопровода велось большим коллективом военных и гражданских

⁶⁷ Черепенина Н. Ю. Новые документы. С. 35.

⁶⁸ Ковальчук В.М. 900 дней блокады: Ленинград 1941–1944. СПб., 2005. С. 150.

⁶⁹ Цит. по: Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., 2010. С. 95.

строителей и именовалось «особым строительством № 6 Наркомстроя», в его сооружении была и «доля» самого Ленинграда: Ижорскому заводу было поручено поставить 600 т 4-5-дюймовых труб⁷⁰.

С начала июня 1942 г. проходила дальнейшая эвакуация из осажденного Ленинграда несамодеятельного населения. По утвержденному 24 мая 1942 г. Государственным Комитетом Обороны предложению Военного Совета Ленинградского фронта намечалось вывезти в течение весенне-летнего периода 1942 г. 300 тыс. человек. Эвакуации подлежали в первую очередь 175 тыс. женщин, имевших двух и более детей, нетрудоспособные лица, члены семей рабочих и служащих, ранее эвакуированных с предприятиями; 75 тыс. членов семей военно-служащих; 25 тыс. детей из детских домов; 19 тыс. рабочих и служащих, которые по характеру своей деятельности не могли быть использованы в условиях блокированного города. Было также решено эвакуировать 30 тыс. раненых. С 1 июня 1942 г. планировалось вывозить 3 тыс. человек в день. Порядок эвакуации практически был таким же, как и при эвакуации по ледовой дороге. Начальным пунктом эвакуации был Финляндский вокзал, откуда эвакуируемые перевозились поездами до станции Борисова Грива. С 1 июня на вокзал подавались два состава в сутки. От Борисовой Гривы эвакуируемые автотранспортом доставлялись до мыса Осиновец или пристани Каботажная, где пересаживались на водный транспорт, доставлявший их в Кобоно-Кареджский порт на восточном берегу Ладоги⁷¹.

При выезде из Ленинграда эвакуируемые сдавали по месту жительства или работы свои продовольственные и промтоварные карточки и взамен получали в районных эвакукомиссиях дорожные талоны и талоны на питание. Обед и сухой паек на дорогу выдавался на Финляндском вокзале и на восточном берегу – в Кобоне или Лаврове. В июне 1942 г. обед состоял из 500 г хлеба, 75 г мяса, 50 г крупы, 20 г жиров, 20 г муки и 20 г сухих овощей. Сухой паек на Финляндском вокзале состоял из 1 кг хлеба, а в Лаврове и Кобоне – из 1 кг хлеба, 1 пачки печенья и 200 г мясопродуктов. Дети до 12 лет получали дополнительно 100 г шоколада и 1 банку сгущенного молока⁷².

Эвакуация ставила перед отъезжающими целый ряд болезненных проблем – как быть с квартирой, что делать с накопленным годами имуществом? «На остановках, перекрестках, уцелевших заборах пестрят объявления, – отмечал 20 июня 1942 г. в дневнике Б. А. Белов. – Срочно продаются мебель и вещи. Ниже следует перечисление, адрес и часы распродажи. Все как по уставу. Всевозможные почерка и печатные машинки... Объявления принадлежат эвакуирующимся из Ленинграда»⁷³. Для определенной части ленинградцев, особенно представителей интеллигенции, эти проблемы казались неразрешимыми. Известная театральная деятельница, основательница первого в Советской России театра марионеток, художница и переводчица Л. В. Шапорина сделала 23 июня 1942 г. в своем дневнике такую протестующую запись: «Получила сейчас повестку явиться с паспортом в райсовет по эвакуации. Сейчас идет бешенная высылка, так как иначе нельзя же назвать насильственную эвакуацию. При эвакуации человек теряет право на свою площадь и имущество. Для меня эвакуация равносильна смерти, и лучше уж покончить с собой здесь, чтобы не умирать от сыпняка в вагоне. Чудовищно. Целую жизнь собирала книжку за книжкой, если что и ценно, это умственный уют, свой угол. И вдруг все бросить и с 50 рублями в кармане ехать неведомо куда, куда глаза глядят. Может ли быть что-нибудь ужаснее, нелепее в своей жестокости, циничнее наших нравов, правительственного презрения к человеку, к обывателю. Слов не нахожу. Пойду завтра в Союз композиторов и

⁷⁰ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая Земля. История Ладожской коммуникации блокированного Ленинграда в 1941–1943 гг. Л., 1975. С. 233–237.

⁷¹ Там же. С. 258–259.

⁷² Там же. С. 259–260.

⁷³ Цит. по: Пянкевич В. Л. Люди жили слухами. Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014. С. 392.

скажу Валерьяну Михайловичу (Богданову-Березовскому. – Г. С.), чтобы делал что угодно, чтобы отменить эвакуацию, а то я в самом деле повешусь; к сожалению, отравиться нечем»⁷⁴.

Разъяснительная работа и административные рычаги помогли органам власти преодолеть нежелание уезжать из города тех ленинградцев, которые считали, что, пережив самое трудное время, они заслужили право остаться в родном городе. В июне 1942 г. через Ладожское озеро было эвакуировано 99 тыс. человек. В обратную сторону в это же время было переправлено 58 тыс. воинов для пополнения Ленинградского фронта и Балтийского флота⁷⁵.

Сложнее оказалось с организацией перевозок по Ладоге продовольствия, боеприпасов и вооружения, военно-технического имущества и народнохозяйственных грузов. Темпы их перевозок в первое время значительно отставали от заданий ГКО и Военного Совета Ленинградского фронта. Это было связано с плохой организацией погрузо-разгрузочных работ. Введение натурального премирования всех рабочих, занятых на погрузке и разгрузке водного и железнодорожного транспорта, сыграло свою роль. Еще большее значение имело натуральное премирование членов судовых команд и работников портов и пристаней: пережившие в своем большинстве голодную зиму, они могли быстрее восстанавливать свое здоровье и переносить тяжелые физические нагрузки. В результате в июне 1942 г. на западный берег Ладоги было доставлено 105 тыс. т грузов, предназначенных для Ленинграда⁷⁶.

С самого начала весенне-летней навигации по Ладожскому озеру немецко-фашистское командование попыталось сорвать эвакуацию населения из осажденного города и транспортировку боеприпасов, вооружения и живой силы для его обороны. «Так как 2,5 млн жителей Ленинграда могло быть эвакуировано за 10 недель, – отмечалось 26 мая 1942 г. в дневнике верховного командования вермахта, – фюрер приказал воспрепятствовать всеми средствами этой эвакуации для того, чтобы в Ленинграде не улучшилось продовольственное положение. Это помешает также укреплению позиций на других участках фронта благодаря вывозу войск и оборонительным работам. Штабу группы армий «Север» указывается, чтобы финское командование провело те же мероприятия»⁷⁷. В связи с этим командующий 1-м воздушным флотом генерал-полковник Келлер получил директиву из гитлеровской ставки сорвать эвакуацию всеми средствами и в первую очередь воздушными налетами на Ладожский район судоходства, чтобы не позволить усилить оборону блокированного города путем переброски войск, улучшить его продовольственное положение и тем самым укрепить его обороноспособность⁷⁸. Однако выполнить эту варварскую директиву командованию группы армий «Север» не удалось. Ладожскую коммуникацию надежно прикрыли на западном берегу Ладожского озера Осиновецкая зенитная артиллерийская группа, а на восточном – Кобонская зенитная артиллерийская группа. Их совместная огневая мощь была довольно значительной: 150 зенитных орудий среднего калибра, 40 орудий мелкого калибра, 70 пулеметов, 25 станций «Прожзвук» и 65 прожекторных станций⁷⁹. Авиационное прикрытие Ладожской коммуникации осуществляли 123-й истребительный авиаполк 7-го истребительного корпуса ПВО, 3-й и 4-й гвардейские истребительные авиаполки ВВС КБФ и три истребительных авиаполка Ленинградского фронта⁸⁰. В результате эффективной противовоздушной обороны массированные удары фашистской авиации по ладожским портам, а также железнодорожным узлам, складам и дру-

⁷⁴ Шапорина Л. В. Дневник: в 2 т. Т. 1. М., 2012. С. 334.

⁷⁵ Ковальчук В. М. Ленинград и Большая Земля. С. 262.

⁷⁶ Там же. С. 253.

⁷⁷ Там же. С. 265.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Комаров Н. Я. Противовоздушная оборона Ладожской коммуникации // История СССР. 1973. № 3. С. 94.

⁸⁰ Там же.

гим объектам, как правило, не достигали своей цели, и фашистская авиация несла с первых же дней большие потери⁸¹.

С введением в строй Ладужского нефтяногопровода значительно расширились возможности оборонной промышленности осажденного Ленинграда. Если в апреле 1942 г. ленинградские предприятия вооружения практически не производили, в мае они смогли выпустить всего две с половиной сотни минометов, то к концу июня 1942 г., помимо минометов, пулеметов «Максим-ленинградец» и автоматов, были собраны из деталей и агрегатов старых заделов 10 танков и 54 полковые пушки⁸². Из 75 возобновивших военное производство предприятий 45 выполнили план выпуска оборонной продукции⁸³. Подавляющая часть действовавших в июне 1942 г. предприятий изготавливала боеприпасы. Занятые их выпуском более 60 предприятий произвели в этот месяц свыше 235 тыс. снарядных и минных корпусов, более 2 тыс. стокилограммовых фугасных бомб, более 8 т взрывчатого вещества «АК» и еще много другой боевой продукции⁸⁴.

Достигнутые в июне 1942 г. успехи в выпуске вооружения и боеприпасов будут тем более значимыми, если принять во внимание, что основную массу рабочих на оборонных предприятиях в это время составляли женщины и подростки, число которых возрастало с каждым месяцем. В июне 1942 г. только в системе трудовых резервов насчитывалось около 16 тыс. юношей и девушек, из которых 5 тыс. уже работали на заводах и фабриках города, 3 тыс. – в своих мастерских, выполняя заказы предприятий, 4 тыс. обучались строительным специальностям, около тысячи человек трудились на возведении оборонительных рубежей⁸⁵. Учащиеся ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения работали в это время на Невском машиностроительном заводе им. В. И. Ленина, на Сестрорецком инструментальном заводе, на Кировском заводе, на заводе «Красногвардеец», на Металлическом заводе и других предприятиях города⁸⁶. Ученица ремесленного училища № 18 Вера Никитина, работавшая на трех токарных станках, перевыполняла задание на обточке снарядных гильз в 4–5 раз⁸⁷.

Не могу здесь не вспомнить с благодарностью своих старших товарищей, которые, оставшись без родителей и средств к существованию, не поддались в воровской мир, а под влиянием комсомола, детских инспекторов, соседей и просто добрых людей пошли в ремесленные училища. В свои 14–15 лет они рано становились взрослыми, испытывая благотворное влияние мастеров и рабочих, с которыми бок о бок трудились на производстве. В нашем пролетарском (Володарском) районе самым известным было ремесленное училище № 12, которому в 1942 г. было вручено переходящее Знамя Главного управления трудовых резервов «за образцовую работу»⁸⁸. Мы с восхищением встречали своих вчерашних товарищей по играм, которые иногда приходили по вечерам на наш пустырь и, скинув свои длиннополые черные шинели с эмблемой «РУ 12», гоняли вместе с нами мяч. Многие из них стали не только высокими профессионалами в своем деле – токарями, фрезеровщиками, слесарями-инструментальщиками и др., но и, закончив вечернюю среднюю школу, поступили в вузы и успешно учились в них. Они не искали себе славы, но заслужили добрую память вместе с медалью «За оборону Ленинграда».

---

⁸¹ Ковальчук В.М. Ленинград и Большая Земля. С. 270.

⁸² Демидов В. И. Снаряды для фронта. Л., 1985. С. 190.

⁸³ На защите Невской твердыни / отв. ред. Ю. Н. Яблочкин. Л., 1965. С. 366.

⁸⁴ Демидов В. И. Снаряды для фронта. С. 191.

⁸⁵ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 7384. Он. 17. Д.622. Л. 7 об.

⁸⁶ 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941–1944 гг. / ред. коллегия: Х.Х.Камалов, В.М. Ковальчук (отв. ред.), Ю. С. Токарев; сост. Х.Х. Камалов, Р. В.Серднук, Ю. С. Токарев. М.; Л. 1966. С. 166.

⁸⁷ ЦГА СПб. Ф. 5016. Оп. 2. Д. 120. Л. 38.

⁸⁸ Ленинградская правда. 1942. 7 июля.

22 июня 1942 г. исполнился год со дня нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, и эта дата стала для ленинградцев поводом к размышлению о том, как отнестись к тому, что принес им первый год войны. Камертоном официальной оценки итогов первого года войны должна была стать для ленинградцев речь А. А. Жданова на заседании Верховного Совета СССР 18 июня 1942 г. «Истекший год явился трудным экзаменом для каждого ленинградца, – говорил впервые за время войны выступавший публично Жданов. – Чем больше были трудности, которые возникали перед нами, тем выше были требования, которые предъявлялись каждому рабочему, инженеру, хозяйственнику, советскому работнику. Ленинградцы должны были найти в себе силы и умение для того, чтобы справляться с самыми непредвиденными и необычными трудностями и новыми задачами, которые вставали в ходе борьбы»⁸⁹. Жданов выразил в заключение глубокую признательность «за братскую помощь Ленинграду», которая шла «со всех концов нашей великой Родины». Опубликованная на следующий день в «Правде», эта речь, лейтмотивом которой был тезис о том, что «жесткие трудности не сломили энергии и мужества ленинградцев», получила, таким образом, официальное одобрение со стороны политического руководства страны во главе с И. В. Сталиным. В появившейся 23 июня 1942 г. в «Ленинградской правде» прочувствованной статье Всеволода Вишневского «Родному городу», в которой, по мнению д-ра исторических наук, директора Архива АН СССР Г. А. Князева, у автора «не хватило красок на палитре, пришлось подливать подкрашенной водицы»⁹⁰, эта оптимистическая оценка была развита. «Город стоит величественный с потемневшим от пороха ликом, покрытый шрамами, – заключал статью В. Вишневский. – Враги у его стен, а город стоит»⁹¹.

Размышления ленинградцев об итогах первого года войны нашли свое отражение на страницах их дневников, правда, с различной степенью откровенности. Главный инженер завода «Судомех» В. Ф. Чекризов закончил свое обозрение важнейших событий за прошедший год так: «Великий Ленинград выиграл битву и себя. Он победил. Он не будет побежден. Нога немца не ступила и не ступит на его чистые улицы»⁹². Более пессимистично был настроен в своем дневнике заведующий райздравотделом Кировского района И. В. Назимов: «Год войны – год страданий. Жаль наш народ – безропотно гибнущий и верящий в правоту своего дела»⁹³. Г. А. Князев 22 июня 1942 г. записал в своем дневнике: «Пошел второй год войны! Позади 365 кровавых дней, наполненных ужасом, небывалым по размерам мировой истории. Мы в осажденном городе. Впереди, может быть, еще более страшные кровавые дни»⁹⁴.

Увы, оптимистические надежды на скорое избавление от вражеской осады в июньских записях ленинградцев, как правило, не присутствовали. Да и откуда им было появиться, если 2-я ударная армия, с которой и связывались в первую очередь эти надежды, в июне 1942 г. оказалась в отчаянном положении. 8 июня 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования, признавая фактически ошибочность принятого ею в апреле 1942 г. решения об объединении Ленинградского и Волховского фронтов в единый – Ленинградский, постановила «разделить войска Ленинградского фронта на два самостоятельных фронта». Командующим войсками Волховского фронта назначался генерал армии К. А. Мерецков, а Ленинградского – генерал-лейтенант Л. А. Говоров. Прежний командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант М. С. Хозин был отстранен от этой должности «за невыполнение приказа Ставки о своевремен-

⁸⁹ Правда. 1942. 19 июня.

⁹⁰ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Война с Германией. Впечатления на моем малом радиусе. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 761.

⁹¹ Ленинградская правда. 1942. 23 июня.

⁹² Чекризов В. Ф. Дневник блокадного времени. С. 86.

⁹³ Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда / отв. сост. И. А. Муравьева. СПб., 2014. С. 186.

⁹⁴ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. С. 749.

ном и быстром отводе войск 2-й ударной армии, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, в результате чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжелое положение...»⁹⁵. На вызванного 8 июня 1942 г. в Ставку нового командующего войсками Волховского фронта К. А. Мерецкова была возложена задача во что бы то ни стало вывести 2-ю ударную армию из окружения. Хотя эта задача оказалась практически невыполнима из-за отсутствия реальных сил, были предприняты отчаянные попытки спасти армию. 21 июня 1942 г. совместными ударами частей 59-й и 2-й ударной армий был прорван фронт противника на путях подвоза 2-й ударной армии и образован коридор шириною до 1 км, через который начали выходить части 2-й ударной армии⁹⁶. На следующий день в результате ожесточенных боев удалось расширить коридор до 1,5 км на востоке и по нему эвакуировать 6400 раненых и 930 вооруженных бойцов. ВВС Волховского фронта в ночь на 23 июня сбросили войскам 2-й ударной армии 7 т продовольствия, 138 240 патронов и 1340 кг горюче-смазочных материалов. При этом транспортная авиация понесла большие потери: огнем противника и его истребителями было сбито 5 «Дугласов» и 5 самолетов У-2, в связи с чем доставку грузов по воздуху решено было больше не производить, а 6,5 т продовольствия, в котором так нуждались голодные бойцы 2-й ударной армии, направить под прикрытием автоматчиков на выюках⁹⁷.

24 июня 1942 г. обстановка на фронте 2-й ударной армии резко осложнилась. Противник прорвал фронт армии на первом промежуточном рубеже и, овладев населенным пунктом Новая Кересть, оказался в районе ее командного пункта⁹⁸. В эти критические часы Военный Совет Волховского фронта принял обращение к Военному Совету 2-й ударной армии: «Немедленно объявите всем командирам и политработникам о том, что на поддержку идут гвардейцы и танки. Уверены, что Военный Совет армии сделает все от него зависящее, чтобы героически сражающиеся части 2-й ударной армии задержали движение противника и надежно прикрыли район сосредоточения боевой техники до выхода частей 59-й армии на р. Глушица»⁹⁹.

С утра 24 июня 1942 г. в соединения 2-й ударной армии поступил последний приказ на прорыв и вывод живой силы через р. Полисть на Мясной Бор. Атака была назначена на 22.30 24 июня. Все командиры были предупреждены командармом, что это будет последняя атака, и потому он требовал смелости и решительности – «не считаясь с потерями». Одновременно с рассылкой соединениям последнего приказа командарма был отдан приказ штабу армии о порядке его выхода в район Борисово. Военный Совет в сопровождении роты особого отдела и роты охраны должен был следовать самостоятельно. Приказ о порядке выхода штаба армии был отдан на последнем, третьем по счету командном пункте штаба армии утром 24 июня. На всех трех командных пунктах, которые последовательно пришлось сменить штабу армии, противник подвергал его бомбардировке с воздуха¹⁰⁰.

Днем 25 июня 1942 г. старший офицер Генерального Штаба при штабе 59-й армии Тарелкин сообщил начальнику Генерального Штаба Красной Армии Б.М. Шапошникову, что «в ночь на 25 июня 1942 г. из 2-й ударной армии вышло 6000 человек с оружием. С 9.30 движение прекратилось сильным обстрелом противника»¹⁰¹. К исходу 25 июня эта безрадостная информация получила подтверждение в донесении штаба Волховского фронта начальнику Генерального Штаба Красной Армии. В нем сообщалось, что в ночь на 25 июня под сильным артиллерийско-минометным огнем и нараставшим воздействием авиации противника из окружения,

⁹⁵ Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / под ред. Н. Л. Волковского. М.; СПб., 2005. С. 111.

⁹⁶ Там же. С. 502.

⁹⁷ Там же. С. 505–506.

⁹⁸ Там же. С. 507–508.

⁹⁹ Там же. С. 507.

¹⁰⁰ Там же. С. 515.

¹⁰¹ Там же. С. 508.

по предварительным оценкам, вышло около 6 тыс. человек, в том числе 1500 раненых. В донесении отмечалось, что «связи в течение дня с командованием 2-й ударной армией не было. Первоначальные сведения о выходе Военсовета армии на восточный берег не подтвердились. По словам командиров и комиссара 709-го батальона связи Пескова, двигавшихся в одной группе с командармом, они при подходе к р. Полисть попали под сильный минометный огонь, их группа расчленилась и они больше Власова не видели»¹⁰².

В результате окончательно замкнувшегося 25 июня 1942 г. вокруг 2-й ударной армии кольца тысячи измученных многодневными боями в лесисто-болотистой местности и обессиленных голодом и болезнями бойцов оказались не по своей воле в немецком плену. Известные на сегодня данные достаточно противоречивы и нуждаются в уточнении. 28 июня 1942 г. по центральной сети германского радио было передано сообщение Верховного командования вермахта о победе на Волхове и пленении 32 759 солдат и офицеров Красной Армии¹⁰³. В сообщении Советского Информбюро от 29 июня 1942 г. утверждалось, что потери 2-й ударной армии составили до 10 тыс. убитыми и около 10 тыс. пропавшими без вести. К. А. Мерецков приводил в 60-е годы в своих воспоминаниях данные о потерях в 6 тыс. человек убитыми и 8 тыс. пропавшими без вести¹⁰⁴.

В начале июля 1942 г. после выхода 2-й ударной армии из окружения в ней насчитывалось всего 10898 командиров и красноармейцев. Это все, что осталось от входивших в ее состав семи дивизий, шести бригад и одного батальона. В ходе операции по выводу из окружения 2-й ударной армии с 13 мая по 10 июля 1942 г. (2-я ударная армия, 52-я и 59-я армии Волховского фронта) безвозвратные потери составили, по опубликованным в 1993 г. официальным данным, 54774 человека, санитарные – 39977 человек, всего – 94751 человек¹⁰⁵.

Трагическая судьба 2-й ударной армии, оказавшейся в «Волховском котле» и отчаянно сражавшейся в течение 165 дней за свое выживание, не может бросить тень на ее воинов только потому, что командовавший ею в последнее время генерал А. А. Власов в июле 1942 г. был взят в плен и стал на путь предательства. Миф о том, что попавшие в плен воины 2-й ударной армии стали основой «власовской армии», не имеет под собой реальных оснований, и сегодня доподлинно установлено, что ни один из тех, кто попал в плен под Мясным Бором, не служил затем у Власова¹⁰⁶.

Воевавший под Ленинградом совсем молодым солдатом в составе группы армий «Север» Хассо Г. Стахов на основе собственных впечатлений, дневников других участников происшедших событий, используя сохранившиеся архивные документы, спустя многие годы попытался осмыслить «великую трагическую историю Волховской битвы». Подводя итоги своим наблюдениям и размышлениям в книге «Трагедия на Неве», он пишет: «Разумеется, это была немецкая победа. Хотя уже тогда это слово представлялось слишком большим преувеличением для тех, кто был в состоянии видеть все эти события глубже на перспективу. В действительности не было никаких причин для ликования. Это была бесцветная, хотя и успешная оборонительная операция с множеством критических ситуаций, сопровождавшаяся ужасными потерями с обеих сторон. Русские потерпели поражение, оставив многих из своих солдат в крайне бедственном положении. Но и немцы потеряли солдат. И эти потери они уже никогда не смогли восполнить. Так как обе стороны имеют совсем мало причин для ликования, то нет ничего удивительного в том, что историки по обе стороны фронта, оценивая происходившее, ограни-

¹⁰² Там же. С. 508–509.

¹⁰³ Стахов Хассо Г. Трагедия на Неве. Неизвестные страницы блокады Ленинграда / пер. с нем. М., 2012. С. 181–182.

¹⁰⁴ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968. С. 275.

¹⁰⁵ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 225.

¹⁰⁶ См.: Ленинград в борьбе месяц за месяцем. 1941–1944 / ред. коллегия: Н. И. Барышников, Б. П. Белозеров, А. Р. Дзенискевич (отв. ред.), И. З. Захаров, В. М. Ковальчук, Ю. И. Колосов, Г. А. Олейников, Г. Л. Соболев. СПб., 1994. С. 128.

чиваются лишь общими и скуными фразами. Ничего не говорится о русских ошеломляющих налетах и захватывающих дух рейдах их танков в тыл огневым позициям или базам снабжения немцев. Сегодня доказано, что русские извлекли для себя огромную пользу из изнурительных сражений на Волхове и под Погостем»¹⁰⁷.

Дальнейшее развитие событий в осажденном Ленинграде и за его пределами показало, что политическое и военное руководство страны извлекло уроки из последней, особенно болезненной неудачи прорвать вражескую блокаду Ленинграда. Между тем Управление НКВД по Ленинграду сообщало своему московскому шефу Л. П. Берии самые оптимистические сведения: продовольственные карточки населению Ленинграда в июне отоварены полностью; целый ряд предприятий и учреждений имеет собственные огороды, с которых уже снабжают своих работников свежими овощами; смертность населения в июне, по сравнению с маем, снизилась на 32,4 %: если в мае в городе умерло 49 794 человек, то в июне – 33 668¹⁰⁸. Резкое сокращение смертности населения в Ленинграде в июне 1942 г. позволило покончить с массовыми захоронениями на всех кладбищах города. С этого времени стали производиться только индивидуальные захоронения. Правда, массовое сжигание трупов еще продолжалось на кирпичном заводе № 1 вплоть до сентября 1942 г.¹⁰⁹

Оптимистическим настроем все больше проникались и сами ленинградцы, готовые после пережитых ими ужасов блокадной зимы довольствоваться немногим. Известный литературовед-пушкинист Б. П. Городецкий, исполнявший в это время обязанности директора Института русской литературы АН СССР, писал своим родным 25 июня 1942 г.: «Я очень бы хотел, чтобы вы представили себе Ленинград сегодняшнего дня. Он очень красив. Прежде всего – очень много зелени. Это объясняется тем, что прежние посадки, которые в прошлом году были еще молодыми, сейчас густо принялись, а во-вторых, еще и тем, что перестали подстригать деревья и кустарники и они густо и буйно разрастаются. Много зелени и на нашей улице. И еще, о чем я уже не раз писал, – это много музыки, передаваемой по радио. В магазинах очередей совсем нет, так как того, что выдается по карточкам, достаточно для удовлетворения оставшегося населения. Точно так же нет очередей и в булочных, так что спуститься и взять хлеб в нашей булочной занимает минут десять, не более»¹¹⁰. Б. П. Городецкий заканчивал это письмо признанием, что у него «очень хорошее и спокойное настроение» и что ему «более всего хочется встретить окончание войны именно в Ленинграде...»¹¹¹. Но судьбе было угодно распорядиться иначе, и многие из тех, кто так хотел встретить окончание войны в Ленинграде, будут вынуждены в скором времени отправиться в эвакуацию, которой, как им казалось, они уже избежали.

---

¹⁰⁷ Стахов Хассо Г. Трагедия на Неве. С. 182.

¹⁰⁸ Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: в 2 кн. Кн. 2. Документы. Приложения. СПб., 2002. С. 324.

¹⁰⁹ Черепеница Н. Ю. Новые документы. С. 37.

¹¹⁰ Цит. по: Городецкий С. Письма времени. СПб., 2005. С. 142.

¹¹¹ Там же. С. 143.

Документы

Из блокадного дневника старшего бухгалтера Института легкой промышленности Н. П. Горшкова 1942 год. Июнь.

1 июня. Ясное утро, светит солнце, температура +10°. Днем до +20°. Сутки прошли спокойно. Отдаленная арт. Стрельба. В городе без перемен.

2 июня. Солнечное ясное утро. В 6 ч утра температура +11°. Тихо. Ночь прошла спокойно. Днем редкая отдаленная орудийная стрельба. Тепло. Небольшая облачность. Температура +16°. В городе без перемен.

3 июня. Утро ясное, солнечное. Температура +9°. Днем сплошная облачность. В 15 ч пасмурно – шел дождь. С раннего утра слышны одиночные орудийные выстрелы с фронта. Днем стрельба усилилась, временами до ураганной. Где-то вдали часто стреляли зенитки. Объявлена мобилизация населения в порядке трудовинности для работ на оборонных рубежах с оплатой 10 руб. выполняющим норму и 12 руб. перевыполняющим.

Хлеб по 600 грамм в сутки. Рабочий день 10 часов.

В городе без перемен.

Ночь прошла спокойно.

4 июня. В 6 ч утра температура +9°. Пасмурно. Тихо. Не слышно ни единого выстрела. День и ночь прошли спокойно. Иногда слышны были отдельные выстрелы вдалеке.

Погода днем ветреная, переменная облачность, t +15–16°.

5 июня. В 6 ч утра шел небольшой дождь. Температура до +15°. В течение дня в городе тихо, издали слышна арт. пальба, иногда очень сильная. Ночью сильная пальба зениток.

6 июня. В 6 ч утра очень пасмурно. Идет мелкий дождь. Сыро. Темпер. +10°.

В ночь на сегодня, около 1 часу, противник пытался сделать воздушный налет, но сильным зенитным огнем нашей зенитной артиллерии враг допущен не был. Воздушн. тревога не объявлялась. Пальба продолжалась 15–20 минут.

Сегодня днем свежо. С перерывами шел дождь. Большая облачность, проходящие серые тучи. К вечеру несколько прояснилось. Темпер. +12°.

В городе без перемен. Ночь прошла спокойно.

7 июня. Воскресенье. Ясное солнечное утро. Свежо. Прохладный северо-западный ветерок. Температура в 6 ч утра +5°.

Изредка доносятся издали глухие одиночные орудийные выстрелы. В 15 ч 15 мин объявлена воздушная тревога. Отбой дан в 16 ч 05 мин. Налет врага на город не состоялся, было тихо, только прогудели высоко в воздухе наши самолеты. Ни единого выстрела.

Днем небольшая переменная облачность, временами солнечно. Температура держалась +15°. В городе без перемен.

Ночью была воздушная тревога, но, как и днем, прошла спокойно. Ни взрывов, ни стрельбы не было.

8 июня. Переменная облачность. Проясняется. В 6 ч утра температура +8°. Днем солнечно, тепло. В тени до +20°.

Иногда слышна арт. пальба на фронте. Вечером, в особенности ночью, около 23 ч и позже, сильная пальба из крупных орудий.

В жизни города никаких существенных перемен нет. Много населения мобилизовано на оборонные работы и вывезено за город на ближние рубежи для исправления и постройки новых укреплений. Многие также уезжают в окрестности города на огороды для устройства грядок и посадки овощей.

9 июня. Пасмурно. Идет мелкий дождь. Температура в 6 ч утра +12°. На фронте и в городе тихо.

Днем доносится отдаленная пальба. Погода прояснилась, светит солнце. Температура в тени +20°.

В 16 ч 30 мин неприятель обстреливал город арт. снарядами. Штаб МПВО по радио предупредил население о необходимости укрытия в убежища и щели и прекращении движения по улицам обстреливаемых районов города.

Обстрел продолжался около 15 минут.

Ночью, около 3 часов, враг произвел еще обстрел. В тишине ночи хорошо слышен свист пролетающих над городом снарядов и разрывы их громкие и глухие на близких и дальних расстояниях. Неприятель бьет больше по Неве – по стоящим там кораблям.

В городе никаких особых перемен не заметно. Вечером шел дождь.

10 июня. Утром в 6 ч переменная облачность. Температура +8°.

В 7 ч 15 мин открылась сильная пальба зениток, изредка стреляют и тяжелые орудия. Зенитки после пальбы в течение 15 минут смолкли. Воздушной тревоги и налета не было. Небо было покрыто легкими облаками. День прошел спокойно. Изредка слышна отдаленная арт. пальба.

Несколько раз шел очень сильный дождь, даже с градом. Большая облачность к вечеру прояснилась. Дует восточный ветер. Очень прохладно. Температура упала до +9° вечером с +12° днем. В городе перемен нет. Ночь прошла спокойно.

11 июня. Пасмурно. Густая темная облачность. Ветер холодный, с запада.

В реках и каналах вода поднялась выше нормального уровня. Температура в 6 ч утра +6°, до +14°, но от холодного беспрерывно дующего ветра – холодно.

Сегодня весь день очень тихо, выстрелов почти не слышно.

Иногда доносится далекий гул. В жизни города перемен нет.

12 июня. Ясное утро. Редкие светлые облака. Температура в 6 ч утра +8°. Весь день дует холодный северо-западный ветер.

Температура в тени выше +16° не поднимается. С фронта и в городе не слышно ни единого выстрела, но в 16 ч 30 мин – обстрел.

Сегодня опубликован договор с Англией о совместной борьбе с Гитлером и о поездке наркома иностранных дел В. М. Молотова в Англию и Соединенные Штаты Америки.

Обстрел города, начатый неприятелем в 18 ч 30 мин, прекратился через 15 минут. Было предупреждение штаба МПВО об укрытии населения в убежища.

В городе без перемен.

Вечером шел дождь. Температура падает. Ночь прошла спокойно.

13 июня. Холодно. Пасмурно. Температура в 6 ч утра +5°. Днем холодно и ветрено. Температура выше +10° не поднималась. Облачно. В городе перемен нет. С фронта изредка слышна редкая арт. стрельба.

14 июня. Воскресенье. Ночью, в 0 ч 45 мин, наши зенитки, находящиеся на обороне в городе, открыли частый огонь по воздушным пиратам, пытавшимся сделать налет. Звуки воздушной тревоги по радио раздались около 1 часа ночи. Отбой дан примерно через час.

После был обстрел.

Погода сегодня с утра пасмурная, свежая. Температура в 6 ч утра +5°. Тихо.

Днем переменная облачность, большею частью солнечно. Ветрено. Температура +15°. День и ночь прошли спокойно. В городе без перемен.

15 июня. С утра солнечно, но холодно. Температура в 6 ч +5°. Небо чистое.

Днем облачно. Температура +16°. С фронта иногда слышна сильная арт. пальба. Мобилизованное население и работники предприятий и учреждений строят на ближайших рубежах города огневые точки и разные полевые укрепления. В городе ничего существенного не произошло. Ночь прошла спокойно.

16 июня. Ясное солнечное утро. Температура +8°. Тихо. Днем температура до +18°. С фронта редкая, но мощная арт. пальба. В городе без перемен.

17 июня. Пасмурно. В 6 ч утра температура +9°. Тихо. Днем прояснилось. Температура до +20°. Небольшой, но порывистый ветер. Пальбы не слышно в течение всего утра и части дня. Около 24 ч ночью отдельные залпы из крупных орудий. На окраинных улицах города вблизи открытых мест силами населения под руководством военных строятся огневые точки в окнах зданий и отдельные укрепления и блиндажи. В некоторых местах, в самом городе, устраиваются пулеметные гнезда в окнах домов перед открытыми пространствами улиц и площадей.

18 июня. Солнечное утро, $t + 11^{\circ}$. Тихо. Днем, в начале 14-го часа, неприятель обстреливал город снарядами, которые рвались где-то очень далеко, так как был хорошо слышен только свист во время их полета. Штаб МПВО предупреждал по радио население о необходимости укрытия в убежища и щели и прекращении движения по обстреливаемым улицам.

Обстрел продолжался минут 15–20.

В остальной части дня тихо, кроме редкой очень отдаленной арт. стрельбы.

Ночь прошла спокойно. В городе никаких существенных перемен нет.

19 июня. С утра пасмурно, идет мелкий дождь. Очень сыро. Температура в 6 ч утра +13°. Без ветра.

Около 14 ч противник произвел обстрел. Всего было дано три выстрела. Свист пролетающих снарядов был хорошо слышен. Разорвались они примерно в Московском районе. При большой густой серой облачности беспрерывно идет дождь, весь день. Температура держалась +15–16°.

В городе без перемен. Ночь прошла спокойно. В народе идут разговоры о предстоящем наступлении немцев на Ленинград в годовщину войны 22/VI и о том, что наши войска готовы к отпору и сокрушительному удару.

20 июня. Утром легкая редкая облачность. Светит ярко солнце. Температура в 6 ч утра +10°. Днем до +20°. Густые темные облака, без осадков.

После 18 ч враг произвел сильный обстрел Октябрьского района близ завода «Марти». Снаряды попали в жилые дома, есть жертвы. В частности, снаряд попал в дом № 4 по Дровяному пер., в кв. № 6 в окно с фасада. Никто не пострадал, так как никого не было дома. Две комнаты и обстановка разбиты. Обстрел продолжался около 20 минут.

С фронта иногда слышна отдаленная пальба.

Ночь прошла спокойно. В городе за сутки особых перемен нет. С 21-го июня начинает функционировать на Литовской ул. трамвайный маршрут № 10 (Ржевка – Волково кл.).

21 июня. В 6 час утра редкая облачность. Температура +13°.

Днем перемененно, иногда идет дождь, иногда облачность проясняется.

С фронта с утра не слышно ни единого выстрела.

В городе во всех районах спешно возводятся в окнах домов пулеметные точки и амбразуры для стрелков. Идут разговоры, что немцы в годовщину войны могут начать штурм Ленинграда.

Сегодня пошел трамвай № 10 по Литовской ул. Маршрут продолжен с Охты до Волкова кладбища.

Вечером была слышна редкая отдаленная стрельба. В городе особых перемен нет. Ночь прошла спокойно.

22 июня. Сегодня годовщина начала войны и почти ровно 10 месяцев, как наш Ленинград находится в блокаде. В течение этого срока враг пытался неоднократно прорваться в город, но все попытки были отбиты, и недалеко то время, когда враг будет отброшен, так как силы наших войск растут. Приказ тов. Сталина о разгроме гитлеровцев в 1942 году будет выполнен.

Сегодня с утра пасмурная погода. Температура в 6 ч утра +13°. В 8 часов утра слегка побрызгал дождь. Днем погода прояснилась. Солнце ярко светит. Температура в тени до +26°.

Сегодня с фронта почти не слышно ни единого выстрела. Редко-редко где-то в отдалении бухнет одиноко отдельный выстрел. И снова тихо надолго.

Но вот в 21 ч 17 мин завывла сирена воздушной тревоги. Отбой дан в 21 ч 57 мин. Все прошло тихо и спокойно, только высоко в небе гудели наши самолеты. Враг над городом не появлялся. Днем был обстрел. В городе перемен нет. Ночь прошла спокойно.

23 июня. С утра отдельные легкие облака. Температура в 6 ч утра +14°. Днем редкая облачность, большею частью солнечно. В тени до +25°. В течение дня с перерывами доносится отдаленная арт. пальба на фронте. В 15 ч 15 мин начался обстрел города и продолжался в течение 15 минут. Хорошо был слышен свист пролетающих снарядов и разрывы их в городе. Ночью спокойно.

24 июня. Ясное тихое солнечное утро. В 6 ч температура +15°. Тихо. Днем жарко. В тени +26°. На солнце +35°. После полудня враг обстреливал город.

Вчера снаряды упали в районе б. Обуховской больницы – Институт путей сообщения и в др. местах.

В городе перемен нет.

25 июня. Утром точно такая же погода. Температура – как и вчера. Днем солнечно и очень жарко. Враг произвел короткий обстрел. Перемен нет.

26 июня. Солнечное утро, t в 6 ч утра +16°. Днем большею частью солнечно, проходящие крупные облака. Очень жарко – в тени +28°. Днем отдаленная канонада артиллерии. В воздухе гудели наши самолеты. В 11 ч был обстрел города. По радио было предупреждение Штаба МПВО об укрытии и проч. Ночью бухала вблизи города наша батарея из тяжелого орудия.

27 июня. Ясная солнечная погода. В 6 ч утра t +16°. Издалека доносятся одиночные арт. выстрелы. В 15 часов снова артобстрел, прекратился он через 35 минут. Было предупреждение по радио об укрытии.

Днем жарко, до 26° в тени, но дует прохладный ветерок. Около 13 ч и 18 ч появлялись вражеские самолеты-разведчики, которые отгонялись огнем наших зениток. Воздушной тревоги не было.

28 июня. Воскресенье. В 6 ч утра t +16°. Небольшая легкая облачность. Рано утром одиночные глухие арт. выстрелы. Около 7 ч стреляли наши зенитки. В 15 ч 30 мин обстрел врагом города с бронепоезда, подошедшего, по-видимому, очень близко, т. к. хорошо слышны выстрелы из орудий, свист снарядов и разряды их в городе.

Обстрел прекратился в 16 ч. Было предупреждение Штаба МПВО об укрытии. В 23 часа противник вновь очень сильно обстреливал город с близкого расстояния. Снаряды свистели.

29 июня. Ясное утро. Солнце ярко светит. В 6 ч утра t +16°. Дует легкий ветерок. Днем жарко, безоблачно. На фронте тихо. Вечером обстрел.

Ночью далекая орудийная стрельба. В городе никаких происшествий нет.

30 июня. Утро солнечное, t +17°. На фронте и в городе тихо. В начале 9-го часа противник начал обстрел Московского района (Смоленская ул.), больница Коняшина, Международный проспект. Много жертв: раненых и убитых.

За июнь месяц выдано населению по продкарточкам в кг:

мясо, мясопродукты и сельди – рабочим 1.8, служ. 1.0

кондитерских изделий – рабочим 0.9, служ. 0.5

крупа – рабочим 2.0, служ. 1.5

сухофрукты – 0.15 всем

мыло – по 34 куска всем

масло – разн. рабочим 0.8, служ. 0.4

молоко соевое по 1 литру

чай по 25 гр всем

хлеб ежедневно – рабочим 0.5, служ. 0.4, ижд. 0.3.

Все нормированные продукты выданы аккуратно в назначенные сроки, кроме спичек и соли, которые в июне не выданы.

Днем был вторично обстрел, а к вечеру была стрельба зениток.

Ночью спокойно. В городе без перемен.

Архив Большого Дома. Блокадные дневники и документы / сост. С. К. Бернев, С. В. Чернов. СПб., 2004. С. 111–118.

Справка Управления милиции г. Ленинграда председателю Ленгорисполкома о результатах проверки домовых книг

Совершенно секретно. Серия «К» 5 июня 1942 г.

Во исполнение решения исполкома Ленгорсовета от 3 мая 1942 г. сообщаю о проделанной работе по сверке домовых книг с фактически проживающим населением в домах.

Всего проверено 15 945 домов и 1179 общежитий. Выявлено выбывших и неотмеченных 241 687.

Из них:

а) выбывших по эвакуации 112 757 ч.

б) выбывших в РККА 33 029 ч.

в) умерших 81 305 ч.

г) арестованных 2959 ч.

д) по другим причинам 11 637 ч.

Выявлено нарушителей паспортного режима 1459 ч.

Из них:

а) проживавших без прописки 437 ч.

б) с просроченной пропиской 991 ч.

в) уклоняющихся от военного учета 24 ч.

г) уклоняющихся от призыва 7 ч.

Райисполкомами для оказания практической помощи управхозам было выделено 376 чел., фактически работало 213 чел.

Октябрьский, Смольнинский, Выборгский, Фрунзенский, Володарский и Свердловский райисполкомы надлежащей помощи в проводимой работе не оказали. В этих районах работа проходила силами актива домохозяйств.

Красногвардейский райисполком по сверке домовых книг на территории 21 отделения милиции выделил 24 чел., фактически работало 6 человек малограмотных рабочих с производства.

Петроградский райисполком выделил из числа граждан, проходящих всевобуч, 31 чел., которые могли принимать участие в работе по сверке домовых книг с 15 ч. до 17 ч. 30 мин.

Проверка показала, что управхозы и коменданты домов отметку выбывающих граждан производили несвоевременно ввиду массового выбытия.

В некоторых домах длительное время были вакантные должности управхозов, а со стороны райжилуправлений внимания этой работе не уделялось. В целях улучшения работы в настоящее время, в соответствии с указаниями НКВД СССР, проводится инструктаж управхозов и комендантов и от последних отбираются расписки об объявлении им установленной законом ответственности за нарушение паспортного режима, а вновь назначаемые управхозы к работе будут допускаться только после проведенного с ними инструктажа в органах милиции.

Начальник Управления милиции города Ленинграда
Инспектор милиции *Е. Грушко*

О блокаде Ленинграда в России и за рубежом / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005.
С. 31.

Справка государственной санитарной инспекции Ленинграда о санитарном состоянии домохозяйств города
16 июня 1942 г.

Государственная санитарная инспекция г. Ленинграда совместно с санитарной общественностью (212 чел.) с 11 по 13 июня с. г. произвела проверку санитарного состояния всех домов города.

Из 11 307 номерных домов системы Ленжилуправления обследовано было 11190 – 98,5 % (на один номерной дом в среднем падает 2 строения).

Большинство из обследованных домов – 9747 (84 %) имеют очищенную дворовую территорию и лестничные клетки (92 %). Элементарный санитарный порядок еще не наведен в 1716 домах (15,5 %), в 2502 домах (22,5 %) обнаружены переполненные мусороприемники. Дезинфекция мусороприемников производится в 3451 доме (30 %).

Водоразборами обеспечены 3023 дома (27 %), кроме того в 3464 строениях вода подается в квартиры, что составляет 37,5 % к 9486 домам, имеющим внутридомовой водопровод. Из 2760 домохозяйств города [в] 583 (19 %) имеются кипятильники, из них в действующем состоянии 334 (62 %).

Домовая канализация работает в 7654 строениях (79,6 %).

В действующем состоянии находятся 3553 домовые прачечные (67 %), в 1804 домах (33 %) домовые прачечные требуют производства ремонтных работ по различным техническим причинам (неисправность печного отопления, оборудования и проч.).

Домовые убежища в должный порядок еще не приведены, хотя из имеющихся 2864 убежищ 1833 убежища (63,5 %) содержатся чисто, 724 убежища (25,5 %) оказались к эксплуатации непригодными, ввиду затопления их водой.

Из имеющихся 2444 домовых санитарно-бытовых комиссий (80 % к общему числу домохозяйств) работают 2282 (84 %).

Начальник Государственной санитарной инспекции г. Ленинграда
Никитин

О блокаде Ленинграда в России и за рубежом / отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005.
С. 32.

Б. П. Городецкий – А. Городецкой
5 июня 1942 г. Ленинград.

Мои милые, родные и близкие! Пишу вам почти каждый день, потому что очень скучаю без вас. И чтобы не очень тосковать, я весь ухожу в работу. Моя работа по институту вся на виду – исчезли прежние склоки (когда после посещения института хотелось, придя домой, вымыться в ванне), организовался тесный, сплоченный коллектив сотрудников. Третьего дня на Главном Ученом Совете всех ленинградских институтов утвержден наш годовой план. Меня слушают, верят мне, и никогда я не чувствовал себя таким нужным, как сейчас.

Завтра, в субботу, 6-го июня – день рождения Пушкина. Помните, как я последние годы ездил на Пушкинские торжества в Михайловское, помните – я рассказывал вам о том, что там

мне приходилось делать доклад для 12000 слушателей, расположившихся на берегу Сороти и в радиофицированных лесах. Сейчас, по условиям военного времени, в Михайловское ехать нельзя, и мы проводим эти традиционные торжества в Ленинграде. В прошлом письме я послал вам пригласительный билет на наш завтрашний вечер. Начинается он в шесть часов моим кратким вступительным словом, затем В. А. Мануйлов сделает доклад «Пушкин с нами!» (под этим лозунгом проходит весь вечер) и, наконец, концерт. Концерт обещает быть интересным, так как нам дали согласие участвовать в нем такие крупные артистические силы, как Касторский, Ваграм Папазян, Лидия Вырлан, Студенцов, Железнова и другие. Зал, где будет проходить заседание, будет убран и декорирован свежей весенней зеленью, полевыми цветами. Но вряд ли мне придется послушать этот интересный концерт, так как в этот же вечер в 9.45, в ленинградском радиоцентре, начинается общегородской радиомитинг, участвовать в котором меня пригласили. По всей вероятности, мне придется уехать из института в полвосьмого, чтобы попасть в радиоцентр, даже если придется долго ждать трамвая.

В Ленинграде сейчас очень чисто, никаких очередей нет, работает много театров, кино, идут концерты в филармонии, но я никуда не хожу, нет сил, времени и особенной охоты. Зато я с удовольствием слушаю хорошую музыку по радио, которой передают очень много: по несколько больших концертов в день. Передаются концерты Шаляпина, Собинова, целые оперы (например, «Князь Игорь»), джаз Утесова и так далее...

Городецкий С. Письма времени. СПб., 2005. С. 138–139.

ТЕЛЕГРАММА ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВНАРКОМА СССР А. Н. КОСЫГИНА В ЛЕНГОРИСПОЛКОМ

12 июня 1942 г.

Сообщаю, что из Ивановской области на 9 июня отгружено Ленинграду картофеля 1200 тонн, подготовлено к отгрузке 200 тонн. Из Рязанской области отгружено Ленинграду картофеля 25 мая 50 тонн, 26 мая 32 тонны, 29 мая 100 тонн, 31 мая 15 тонн, 5 июня 30 тонн, 9 июня 137 тонн. Намечено к отгрузке 11 июня 60 тонн.

Зампредсовнаркома СССР *Косыгин*

Страна – Ленинграду. 1941–1945. Сб. документов / отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб., 2002. С. 140.

Из воспоминаний блокадницы о работе в совхозе в июне 1942 г.

Каждый из нас мечтал о работе, связанной со столовой, магазином продовольствия, а люди, работающие там, казались избранниками, попасть туда не представлялось возможным.

Голодная и унылая бродила я по городу в поисках работы, временами свет мерк в моих глазах и страшное бессилие и безразличие охватывали тело и разум.

Я мечтала о «хлебной работе». В поиски эти я втянула свою приятельницу В. Она где-то читала историю, но к весне ее преподавание кончилось, да и было, кажется, не особенно удачным. Это была ее первая после окончания университета работа, совпавшая с периодом ужасающей дистрофии, когда мысли о пище заслоняли все остальное.

Помню, как мое голодное внимание привлекло объявление, написанное большими красными буквами на куске полинялых обоев голубого цвета: оно приглашало жителей города отправиться на работу в совхоз, плата в котором была обещана натурой. Вмиг в моем мозгу возникла соблазнительная картина всевозможных овощей в виде картошки, редиса, лука, огурцов и пр. Это обещание имело чрезвычайно большую силу.

Уже ни о чем другом неспособная думать, начала я соблазнять В. отправится со мной работать в совхоз. Там будет много неистоптанной и незапачканной травы любых сортов и пород. Там будет свежий воздух, живительная и целительная близость природы, а потом, потом пойдут огурцы, картошка и пр. Этого оказалось достаточно, чтобы, недолго думая, собрать свои скудные пожитки в рюкзаки и двинуться в путь.

По дороге произошло трагическое происшествие. В. несла в своем рюкзаке бутылку с олифой, заменяющей в ту пору нам жиры. В пути пробка выпала, а бутылка, съехав набок, оставила свое содержимое на спине владелицы в виде огромного маслянистого пятна. При обнаружении этой потери

В. пришла в глубокое отчаяние и разразилась гневными упреками по моему адресу – как это я, идучи сзади, вовремя не обнаружила эту катастрофу. Этот прискорбный случай вызвал одну из тех ссор, которые почти беспричинно возникали среди раздраженных голодом людей.

Мы почему-то воображали, что будем почти в одиночестве. К нашему немалому удивлению, к месту сбора прибыла огромная разношерстная толпа голодных жителей города. Большинство из них были худые женщины с потемневшими лицами с массой орущих и беспокоящих ребят.

Нас поместили в какой-то большой полуразрушенный дом с огромной кухней на первом этаже при входе, в которой помещалась большущая плита. Поселились мы, к несчастью, в комнатушке рядом с кухней, и отсюда пошли наши беды.

Голодная ленинградская орава мгновенно, как саранча, набросилась на окрестные травы, и очень скоро в близлежащем районе не оказалось ни листочка более или менее съедобной травы.

День и ночь топилась на кухне огромная плита. День и ночь шла борьба за лучшие места на плите, за дрова, за украденные травы и т. д и т. п. Ночью через тонкую перегородку из кухни раздавался непрерывный, разноголосый человеческий вой, который был отвратителен, жалок и совершенно непереносим.

Сварить на плите что-либо было очень трудно и почти что невозможно, люди всегда хотели есть, всегда что-то варили и всегда ссорились при этом. Сон в таких условиях был совершенно невозможен. И мы решили найти индивидуальное жилище, сколько бы оно ни стоило. Очень скоро мы покинули этот страшный дом, так похожий на дом умалишенных, помешанных на траве людей.

Ничего, кажется, неспособно было радовать нас. Работа в совхозе была непосильна. Требовалось целыми днями, наклоняясь, сажать рассаду капусты и потом поливать ее, таская для этого большие ведра с водой из далекого грязного озера, расположенного не меньше чем за полкилометра. Не могу сказать, что работа шла быстро, но она все же подвигалась вперед.

Командовали нами местные жители, мимо которых прошла ужасная голодная смерть и которые поэтому не могли понять наших нечеловеческих страданий. Между нами возник естественный антагонизм. Они с полупрезрением смотрели на наши кости, обтянутые серой кожей, и мы внушали им страх и отвращение своими все поедающими желудками. Наш потрясающий и ненасытный аппетит был им непонятен. Сытый не понимает голодного! Они ничем не могли пресечь нашу пожирательную способность.

Мы ели рассаду капусты, благо ее было очень много, ели как зайцы, хрустя и наслаждаясь. Мы ели, вернее пожирали, сырую картошку, которая лежала, обнаженная, на полях при машинной посадке, не всегда одинаково закрытая землей, мы ели ее с землей, приставшей к ее поверхности, и трудно было представить большего наслаждения. Как хотелось унести ее с поля с собой, но это не всегда удавалось. За нами следили. Одна горожанка умудрилась положить пару картошек в свою пышную прическу, я клала несколько картошек в рукава небрежно наброшенной на плечи фуфайки и т. д.

Полуживые от усталости, возвращались мы домой, на ходу набивая мешки травой, это был главным образом клевер. Дома варили эти травы, иногда подправляя их украденной картошкой или кусочком хлеба, и падали замертво на свое ложе, на минуты испытывая ощущение утоленного, заглушенного голода.

Блокада. Воспоминания очевидцев. М., 2014. С. 443–446.

Из дневника директора Архива Академии наук СССР Г. А. Князева

361[-й] день войны.

1942. 17 июня. Среда.

Все-таки, несмотря на свои затруднения при передвижении, решил пойти на заседание Ученого совета. Доктор истории Ковалев делал смелый доклад о том, чем должна быть история. Главный его тезис – история должна стимулировать наш патриотический подъем и воспитывать в этом духе молодежь. Для этого нужны этические и эстетические подходы при изложении фактов истории. Если искусство никак не отображает действительность как она есть, то история максимально приближается к отображению этой действительности. В этом принципиальная разница между историческим трудом и произведением искусства. Но история должна быть эмоциональна и обязательно со страстью. История должна быть партийна, и если партийность формально субъективна, то советская партийность, как ее понимают марксисты-историки, – по существу объективна.

Передаю прослушанный доклад, быть может, не совсем точно, не в формулировках автора, а так, как он дошел до моего сознания. Вопросы, поставленные докладчиком, очень спорные и волнующие. Не есть ли это возвращение к формуле Покровского: «История – это политика, обращенная к прошлому»? У докладчика – этика, эстетика, воспитание, патриотизм.

Многострадальные мои родные предметы работы всей моей жизни – история и вспомогательная историческая дисциплина архивоведение. Если естественники никогда не спорят, наука ли тот предмет, которым они занимаются, то мы, многострадальные «гуманитарии», время от времени возвращаемся к этому вопросу.

Я спросил докладчика – сказанное им относится вообще к историческим исследованиям – монографиям, диссертациям и т. д., или к учебной литературе? Вразумительного ответа не получил; докладчик уклонился от прямого ответа.

Прения были отложены.

Заседание происходило в старом кваренговском, бывшем Главном здании Академии наук, на третьем этаже, там, где раньше помещался Физико-математический институт, а потом Археографический институт, и где теперь, с 1938-го г[ода], разместился Институт истории материальной культуры. Поднимался по внутренней лестнице мимо прежнего входа в Секретариат, теперь наглухо закрытого. На лестнице, крутой и мало удобной, спасали меня перила. В окнах ни одного стекла и сквозной ветер обдувал меня все время, покуда я поднимался по бесконечным ступенькам. В передней третьего этажа темно и нестерпимое зловоние. Заседание было назначено в «комнате палеолита и неолита». Пришлось искать таковую. В коридоре на столах и прямо на полу сушились вымокшие в подвальном помещении при разрыве трубы книги. Наконец, мне показали комнату... Она оказалась рядом с той, где я две недели назад делал доклад на очередном заседании Ученого совета о плане работ Архива. Та комната почему-то имела номер пятнадцатый, эта была без номера. По стенам шкафы. Один с деревянными скульптурными украшениями на евангельские темы... Совсем не палеолит!... На стенах портреты Маркса и Энгельса. Между ними – открытые полки. На них черепа и реконструкции человеческих голов древнего человека из гипса. Глядел во время доклада на полулицо одного такого звероподобного предка и сравнивал его с львиной головой Карла Маркса. На другой стене – портрет Ленина и рядом на шкафу бюст какого-то опять далекого предка

(реконструкция). В комнате неуютно, нет жизни, души. Стекла целы; вместо вторых рам деревянные ставни.

Несмотря на середину июня, все в пальто. Присутствовало человек 20 историков, оставшихся в Ленинграде. Председательствовал Ив. Ив. Толстой. Не видел его более 30-ти лет. В 1910 году я работал в его просеминарии по греческому языку, и он обворожил меня своей воспитанностью, культурностью, эрудицией. Сейчас ему за 60, но он сохранил еще бодрость и ясность ума. Только, принимая председательствование, почему-то немного волновался, и первые его слова были нервны и напряженны. Потом он овладел собой. В рядах остался сидеть доктор А. И. Андреев, который, вероятно, предполагал, что ему будет предложено председательствовать, т[ак] к[ак] Ковалев, заместитель] больного председателя Ученого совета акад. Крачковского, был сам докладчиком. А. И. Андреев кисло и скептически улыбался, жался в углу талантливый, но леноватый В. Г. Гейман, жмурился как кот и, по-видимому, скучал. Предомно сидели доктор истории И. И. Любименко и ученый секретарь Института востоковедения Пигулевская; они все время наклонялись друг к другу и что-то говорили шепотом. Пигулевская – очень нервный, напряженный, беспокойный человек, но, кажется, в И[нститу]те сейчас единственный деятельный, не утративший если не трудоспособности, то нервной энергии. Смотрел на все время курящую М.А.Тиханову, ученого секретаря ИИМКа, бойкую, но, по-видимому, умную, хотя и своеобразную женщину... А докладчик все бубнил и бубнил, читая слово в слово свой написанный доклад. Оказывается, он читал уже его неоднократно в своем Институте. Сотрудники не раз уже обсуждали выдвинутые им тезисы. Этим и объясняется, по-видимому, почему В. Г. Гейман сидел с таким скучающим видом. Но было и приятно то, что собравшиеся говорили не о делах столовой, не о том, где бы достать крупу или масло, не просто сидели, обязанные по службе, а добровольно и честно выполняли свой долг советского ученого.

«Самоуничтожение паче гордости». Забраться на верхний этаж старинного здания мне, например, с моими ногами было нелегко... Около меня сидела молодая женщина, только что недавно защитившая кандидатскую диссертацию, в чистенькой кофточке, с вымытой шеей, миловидная и женственная. Даже А. И. Андреев подтянулся, побрился, почистился и «помолодел», если можно так выразиться. И. И. Толстой старался сохранить свою культурную привычку вежливости и деликатности, что, к сожалению, у него выходило не так легко; чувствовалась некоторая напряженность, к которой нужно было привыкнуть. На заседании курили. Так как нет спичек, то закуривали друг от друга, переходя для этого, даже во время самого доклада, через всю комнату. Курильщики не могут обойтись без возбуждающего из курева. И эту сторону нельзя забывать и ставить им в вину... Многим курево заменяет недостаток еды.

Сам докладчик с оживлением и горячностью относился к своей теме... И порой забывалось, что мы в осажденном городе, что на расстоянии пушечного выстрела где-то закопался и палит по Ленинграду враг...

Нарочно остановился так подробно на этом заседании, чтобы будущему историку Академии наук было легче представить себе «конкретную действительность». Как всегда, она диалектична, имеет лицевую и оборотную сторону и много-много оттенков. Но судить надо в целом, и для итога могу сказать одно – как важно, что ленинградцы, и в частности ленинградские ученые, сохранили такую волю к своему труду.

Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С 741–744.

Из решения Ульяновского горисполкома «О мероприятиях по приему эвакуированного населения из Ленинграда»

18 июня 1942 г.

1. Установить, начиная с 21 июня с. г. дежурство ответственных лиц на пристани Ульяновск и ст. Ульяновск-1. Возложить на ответственных дежурных по пристани: прием и переправку эвакуированных на ст. Ульяновск, а также организацию временного размещения в зданиях, отведенных для этой цели, и отправку в больницы заболевших по указанию горздравотдела. На дежурных по ст. Ульяновск-1 возложить ответственность за прием эвакуированных, посадку их в вагоны и отправку по назначению.

2. Обязать начальника пристани т. Декалина в суточный срок подготовить для временного размещения эвакуированных клуб речников и помещение бывшей столовой Речторгтранса, обеспечив указанные помещения оборудованием и посудой для кипяченой, остуженной воды. Для детей, как направляемых в районы, так и подлежащих размещению в г. Ульяновске, отвести и оборудовать особые комнаты на водном вокзале.

3. Обязать зав. горздравотделом т. Ефремову организовать и оборудовать на пристани и станции Ульяновск медицинские комнаты и изоляторы с дежурством врачебного персонала на все время пребывания на этих пунктах эвакуированных, обеспечить прием и размещение заболевших в лечебные учреждения города, оказание медпомощи эвакуированным, следующим транзитом.

4. Обязать зав. горторготделом т. Дементьева организовать на пристани Ульяновск общественное питание и снабжение хлебом и продуктами на пути следования эвакуированных, направляемых в районы области.

5. Обязать начальника автотранспортной конторы т. Калякина обеспечить по требованию ответственного дежурного бесперебойную доставку детей, не могущих следовать пешком.

6. Обязать зав. гороно т. Марунову размещение детей в г. Ульяновске производить по заранее утвержденному плану.

Председатель исполкома Ульяновского городского Совета депутатов трудящихся *Давыденко*

Секретарь исполкома Ульяновского городского Совета депутатов трудящихся *Анисимов*

Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Саратов, 1974. С. 236–237.

Из речи депутата А. А. Жданова на заседании Верховного Совета СССР об обороне Ленинграда за год войны

18 июня 1942 г.

...Когда в сентябре прошлого года был сорван гитлеровский план захвата города штурмом, и в ожесточенных боях под Ленинградом нашли себе могилу немало лучших кадровых фашистских дивизий, коварный враг замыслил сломить сопротивление ленинградцев голодной блокадой, бомбежкой с воздуха и артиллерийскими обстрелами. 10 месяцев город находится в обстановке вражеской блокады, в непосредственной близости к фронту, сам является фронтом...

Нет необходимости здесь подробно рассказывать о всех тех трудностях и лишениях, которые выпали на долю Ленинграда в условиях вражеской блокады. Одно только должен сказать: как провалился навсегда гитлеровский план захвата города штурмом, так не удался и его члoвеконенавистнический план удушения города голодной блокадой. Жесткие трудности не сломили энергии и мужества защитников Ленинграда. Ни бомбежки с воздуха, ни артиллерийские обстрелы, ни трудности со снабжением города, ни попытки врага расстроить наши боевые ряды морально при помощи отравленной ядом пропаганды через фашистские листовки, через своих шпионов и лазутчиков, ни разрушение врагом мировых культурных ценностей Ленин-

града не достигли цели, которую поставил враг. Наоборот, суровые испытания, выпавшие на долю ленинградцев, еще более закалили нашу волю к борьбе и победе, еще выше подняли наш боевой дух и готовность идти на преодоление любых трудностей во имя победы над гитлеровской Германией, еще сильнее разожгли ненависть к врагу, ярость в борьбе за истребление немецко-фашистских захватчиков всех до единого. (Аплодисменты).

В огне священной отечественной войны против гитлеровских захватчиков окреп и закалился Ленинград и его защитники, стали крепче и опытнее войска Ленинградского фронта. Непрерывно совершенствуется артиллерийская, инженерная и противовоздушная оборона Ленинграда.

Истекший год явился трудным экзаменом для каждого ленинградца. Чем больше были трудности, которые возникали перед нами, тем выше были требования, которые предъявлялись каждому рабочему, инженеру, хозяйственному, советскому работнику. Ленинградцы должны были найти в себе силы и умение для того, чтобы справляться с самыми непредвиденными и необычными трудностями и новыми задачами, которые вставали в ходе борьбы. Вокруг неотложных задач помощи фронту закипела ключом инициатива работников ленинградской промышленности. Работа важнейших военных предприятий не прекращалась и в дни, когда Ленинграду приходилось особенно тяжело – не хватало топлива и электроэнергии, а недостаток питания подрывал силы людей.

Никогда еще ленинградская промышленность, ее кадры не проявляли такой маневренности, такого большевистского умения выйти из самых трудных положений и выполнить во что бы то ни стало свою задачу, как это было в самые суровые месяцы прошлой зимы, в условиях блокады.

Танки, пушки, минометы, автоматическое оружие, снаряды, мины, гранаты и многое другое давала и продолжает давать фронту ленинградская промышленность. (Аплодисменты).

В Ленинграде нет грани между фронтом и тылом... Каждый ленинградец, мужчина или женщина, нашел свое место в борьбе и честно выполняет свой долг советского патриота.

Товарищи депутаты! Как ни пытался враг оборвать связи Ленинграда со страной, ему этого сделать не удалось. Ни на минуту Ленинград не чувствовал себя оторванным от своей Родины. Вся страна любовно заботилась и заботится о Ленинграде. Со всех концов нашей великой Родины, из всех союзных республик, краев и областей нашей страны шла и непрерывно идет братская помощь Ленинграду. Она не прерывалась в самые трудные дни. За эту помощь разрешите от лица Ленинграда выразить глубокую признательность. (Продолжительные аплодисменты)...

Правда. 1942. 19 июня.

Из дневника профессора Д. Н. Альшица

21 июня 42 г. Вчера сходил в Музкомедию на «Баядеру». Знакомый зал Александринки. Красное, красное, золотое, белое. Довольно обычного вида публика. Немного странно, что люди ходят в пальто и шапках. Многие вслух скучают по буфету.

– Эх, пива бы бутылочку сейчас!

– Недурно бы пирожных штук 10–20 скушать, на двоих, конечно!

– Петя, иди, купи шоколаду, – веря в то, что это очень остроумно, говорит тощая блондинка и смеется.

Я по буфету не скучаю. Вернее, я не вижу в его отсутствии отсутствия чего-то обязательного для театра. Я и до войны, если пришел в театр, значит, и так сильно потратился и в буфет обычно не ходил.

Началось действие. Оркестр. Он невелик. На прежние оркестры не похож. Много женщин. Все музыканты одеты по-разному. Многие в шляпах. На барабанах и литаврах гремит

женщина. На сцене играют хорошо. По-прежнему. Оставшиеся здесь в Ленинграде артисты – Кедров, Свицерский, Янет, Колесникова и все другие – это настоящие народные артисты. Они заслуживают это звание. Жуткие трудности Ленинграда они не променяли на безмятежную жизнь тыла с ее овациями довоенного манера. Они остались там, где гром снарядов, рвущихся у театра, громче рукоплесканий ослабевших зрителей. Они поют, они смешат, после того, как пережили вместе с нами страшную зиму без света, без воды, без нормального питания, без трамваев. Слава им. Статисты выглядят хуже. Вернее, хуже. «Баядера» прошла хорошо. Пельтцер танцует прекрасно. Янет и Свицерский веселят – забывается.

«Мы знаем, что значит война...». Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет. СПб., 2010. 589–590.

Из дневника заведующего райздравотделом Кировского района Ленинграда И. В. Назимова

21 июня. Воскресенье.

Час тому назад на трех автобусах отправил 91 ребенка в Южки. И так, всего 255. Там хорошо, спокойно, и дети здорово поправляются. Накануне на двух машинах вывезли имущество. Через пару дней выеду туда сам.

18 июня проводил совещание районной противоэпидемической комиссии по вопросу об эпидемиологическом состоянии района. На совещании присутствовал новый гарнизонный врач... <вырезана часть страницы>

Как-то на днях был на докладе лектора ЦК партии Городецкого. После доклада демонстрировался фильм «Ленинград в борьбе». На экране ленинградцы увидели все ужасы пережитой зимы. Несмотря на то, что картина довольно бледно воспроизвела все лишения и горе пережитого периода, многие плакали, вспоминая до мелочей этот, унесший в могилу сотни тысяч жизней, период. Те, кто здесь не был, кто не являлся живым свидетелем и участником всех событий, не все поймет и воспримет, но и на них этот фильм произведет тяжелейшее впечатление: холод, грязь, остановившийся транспорт, голод, бездорожье и смерть – всюду смерть. Вражеские бомбы, артиллерийские обстрелы, разрушенные дома, памятники культуры, падающие от голода люди, кровь, развороченные внутренности, снесенные черепа, оторванные руки, ноги – таковы воспоминания и такова на сегодня действительность.

А завтра готовимся к худшему. У Ленинграда сосредоточено большое количество немецких дивизий. Враг готовится к захвату города. Он приложит все силы для этого. Ему нужно поднять свой престиж. Какие козни он готовит? Сколько еще потребуется жертв? Ленинград ему не взять, но еще много жизней поглотит эта жестокая война. Кто из нас будет праздновать победу? Кто из нас ощутит радость встречи со своими близкими? Как пока это еще все далеко и проблематично. Напряжение сил достигает своего предела.

Днем на работе как-то забываешься, а ночью, оставшись один, тяжело переживаешь.

Белые ленинградские ночи, распутившиеся липы и тополя, цветущая черемуха и сирень, – как все прекрасно вне войны и как грустно, особо печально видеть эти красоты природы на фоне тяжких испытаний.

Год войны – год страданий. Жаль наш народ – безропотно гибнущий и верящий в правоту своего дела.

Вновь сбрасывают листовки – грубо, недобросовестно составленные. Немцы далеко не культурный народ. Это фанатики, воспитанные Гитлером за период его главенства. Они живут лишь одним желанием – покорить весь мир. Старая погудка – "Deutschland über alles". Как они наивны! Скоро в этом им будет доказано.

В поликлинике организован цикл лекций силами профессорско-преподавательского состава Института усовершенствования врачей, организовали утренние конференции, на которых я часто бываю. Основная задача дня – профилактика заразных болезней.

Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда. СПб., 2014. С. 185–186.

Из дневника главного инженера завода «Судомех» В.Ф.Чекризова

22. VI [19]42

Прошел год. Вспоминаю литейный цех, где слушал речь Молотова. Сколько пережито за этот год. Сколько изменилось. Первое воодушевление, уверенность у многих (недалеко-видных) в скорой победе сменились разочарованием после широкого наступления немцев по всему фронту (виновата в этом отчасти и наша предвоенная успокоенность, в том числе неосторожно брошенные слова руководителей, вроде «воевать будем только на чужой территории»). Это поселило уверенность у многих в непобедимости и крепости наших границ и как следствие – самоуспокоенность. Мне кажется, что командный состав Кр[асной] Армии также был проникнут намного этой самоуспокоенностью и самомнением и даже бахвальством.

За это расплачивались первые месяцы войны.

Июль – начало августа. Формирование добровольческих полков ленинградцев. Народная армия, ударные батальоны, истребительные батальоны. Первые слухи о разгроме их. Некоторая растерянность слабых в плане пьяного парня (честного, хорошего парня) на улице: «неужели мы такие неспособные, что немцы нас бьют».

А вместе с тем лихорадочные работы по обороне Л[енингра]да. Впервые женщина Л[енингра]да выходит на авансцену героики обороны.

Начало сентября – первые бомбежки и обстрел города и...

Немцы остановлены под Л[енингра]дом. Меняют тактику. Блокада Ленинграда. Результат: остановлен трамвай, заводы, фабрики. Сели на голодный паек. Голод. Холод. Смерть начинает гулять по домам Л[енингра]да. Исчезли собаки, кошки. И вместе с тем отрадное явление – уверенность в победе. Эта уверенность не покидает даже умирающих.

Враг под Москвой. Родина в смертельной опасности, и парад войск на Красной площади 7/XI 41 г. Разве можно не быть уверенным в победе?

Наше к[онтр]наступление. Враг побежал. Уверенность крепнет.

Все больше и больше мрут в городе. Трупы валяются на улицах. Не успевают убирать. Хоронят в траншеях, взрывааемых аммоном.

250 и 125 грамм хлеба наполовину из дуранды и 8-копеечный суп в столовой.

И в это время ремонт кораблей. Голодные моряки делятся с голодными рабочими и ремонтируют корабли.

Ледовая дорога через Ладогу.

Март – впервые отоварены продовольственные карточки. Появились сахар, масло. Эпопея очистки города. Предотвратили эпидемии.

Апрель – улучшение питания.

Май – лечебное питание. Люди восстанавливают силы.

Оживление заводов. Ремонт закончен. Новые заказы.

Попытки фрицев опять бомбить город. Но... не то. Не сентябрь.

Все больше и больше производственной работы. Не хватает людей. Женщины на помощь. Красноармейцы и краснофлотцы помогают.

Уверенность растет. Дистрофиков все меньше и меньше. Цинга еще мучает.

Июнь. Теплые дни. Год пережили. Тяжелый, суровый год. Многих не стало, не вынесли невзгод и голода. Сколько их. Не считаешь. Вечная память героям и великим труженикам.

Великий Ленинград выиграл битву и себя. Он победил. Он не будет побежден. Нога немца не ступила и не ступит на его чистые улицы. Не для них чистили улицы города даже в суровые декабрьские-февральские дни. Теперь немцу не сломить упорства. Ему в пору думать о своей шкуре, и он думает. Думает и говорит. Говорит даже Гитлер. Ему месяц, два, три месяца – не так заговоришь. Наполеон был велик и нашел гибель в России. Гитлер – ничтожество и хотел перещеголять Наполеона.

Чекризов В. Ф. Дневник блокадного времени // Труды Государственного Музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 8. СПб., 2004. С. 85–86.

Из дневника Л. В. Шапориной

1942 г.

22 июня. Год войны, год блокады, год голода – и все-таки мы живы. Но в каком виде, в каком состоянии. Страшны те, которых видишь на улице, а которые умирают дома, в больницах? Елена Ивановна поступила в госпиталь на Васильевском острове, там главным образом дистрофики с дизентерией и без нее, с колитом и т. п. Она говорит, что у многих такие отеки, что тело превратилось уже в бесформенную грудку с вздутым животом. Они умирают в полном сознании и очень тяжело.

Нужна эта жертва многомиллионным населением политически или стратегически? Может быть – да, нужна. Но все же это единственный, первый случай в мировой истории годовой блокады и подобной смертности. Конечно, совершенно неправильно, а для социалистического государства преступно, что одни слои населения питаются за счет других. Сегодня в столовой две женщины за моим столиком, две «иждивенки», рассуждали: дали бы нам поесть, да полкилограмма хлеба – и мы тоже пойдем работать. «Я была рабочей, заболела, ослабла и не смогла работать, стала иждивенкой, а уж на иждивенческой карточке на ноги не подняться».

Поехали сегодня с Еленой Ивановной в Лесной, хотели в Удельнинском парке погулять. Не тут-то было. Ну, мы пошли вдоль дач, воздух чудесный. Встретили мужчину, который нес в сетке редиску. Где купили? Сам продаю. Сколько? 100 грамм хлеба или 45 рублей. При всей моей бедности вытасила 45 рублей. Какая редиска! Больше года не ели сырых овощей или фруктов. В пучке было 15 редисок, очень крупных, с грецкий орех, сочных, крепких, чудесных. Хлеб у нас с собою был. Мы дошли до какого-то обмывочного пункта, где во дворе стояли скамейки, уселись и чудно позавтракали на солнышке под грохот артиллерийского обстрела. Где-то бухало и разрывалось. Не очень далеко, но длился обстрел, как всегда, недолго.

Эти дни я занималась товарообменом. Два кожаных чемодана и брезентовый портплед отдала за один кг хлеба, один кг пшеничной муки, грамм 200 гороха, 600 ржаной муки и 300 рублей денег. По рыночным ценам это выходит тысячи полторы. Хлеб, конечно, съела в первые же три дня.

Вчера Аннушка сварила суп из травы и пшеничную кашу. Я вернулась из столовой и с жадностью поела второй ужин. Сегодня после ужина пошла к Животовым, съела там блюдечко каши, вернулась домой, разогрела суп и сварила целую глубокую тарелку каши. Съела ее с маслом. Когда получаешь какую-то добавочную пищу, сразу же осознаешь, как хочется есть и как мало, как недостаточно того, что мы получаем. Только-только чтобы не умереть.

Чтобы досыта наестся, нам много надо. Столовая моя на Симеоновской находится рядом с бойким букинистом, а через улицу, на Литейном, Лавка писателей. Сцилла и Харибда, о которые разбивается мой финансовый корабль. Это совершенное безумие при моей нищете покупать книги. Но нахождение и покупка книг доставляют мне такое большое удовольствие, что я не удерживаюсь и утешаю себя тем, что надо будет – и продам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.